

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Юрий Гаврюченков

РАБОТОРГОВЦЫ РУСЬ ИЗМОЧАЛЕННАЯ

Есть такая профессия — Родину защищать!

«КРЫЛОВ»

Юрий Гаврюченков

Работоторговцы. Русь измочаленная

«Крылов»

2012

Гаврюченков Ю. Ф.

Работоторговцы. Русь измочаленная / Ю. Ф. Гаврюченков —
«Крылов», 2012

ISBN 978-5-4226-0214-8

Ядерная война вбомбила Европу в каменный век. Лет через триста после этого поднялся феодализм. Очаги промышленности и культуры уцелели в Скандинавии, за Уралом и на Дальнем Востоке. В России, которую мы потеряли, народ обратился к истокам древней культуры и духовности. Однако враг не дремлет. Князь Великого Новгорода встревожен укреплением Железной Орды. Чтобы сорвать захватнические планы басурман, он отправляет в дальний поход своего старого друга и опытного военачальника боярина Щавеля. С полусотней княжеских дружинников командир Щавель следует по городам и весям, наводит направо и налево суровую справедливость и обретает немыслимые приключения. В тексте встречаются утверждения, способные привести к разрыву всяческих шаблонов, шутки ниже пояса и полное отсутствие толерантности.

ISBN 978-5-4226-0214-8

© Гаврюченков Ю. Ф., 2012

© Крылов, 2012

Содержание

Глава первая, Сидящие у костра похватались за оружие, когда старый Щавель вскочил, целясь из лука в темноту	5
Глава вторая,	7
Глава третья,	11
Глава четвёртая,	15
Глава пятая,	22
Глава шестая,	28
Глава седьмая,	35
Глава восьмая,	42
Глава девятая,	44
Глава десятая,	49
Глава одиннадцатая,	52
Глава двенадцатая,	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Юрий Гаврюченков

Работоторговцы. Русь измочаленная

*Давайте нам оружия побольше, да так кулаков трахнем, чтобы,
как говорится, душа из них вон.
Фильм «Ленин в 1918 году»*

Глава первая, Сидящие у костра похватались за оружие, когда старый Щавель вскочил, целясь из лука в темноту

в которой появляется бард и развлекает путников за скудный ужин

– Не стреляйте! – голос с дороги был необычный, глубокий приятный баритон. – Я один.
– Подойди, – приказал Щавель. – Держи руки на виду.

Под ногами затрещали ветки. Идущий старался ступать шумно, чувствуя за собой «косяк». В отблеске пламени появился одутловатый мужчина, бородатый, рыхлый, с покатыми плечами, над которыми горбом высился необычного вида сидор.

– Ты очень тихо шёл по дороге, – проворчал Михан. – Винись, дурак. Другорядь поймал стрелу.

– У меня сапоги мягкие, – примирительным тоном оправдывался гость. – Мужики, я бард, иду в Новгород и могу развлечь вас балладой.

– Присаживайся, четвёртым будешь, – Щавель опустил лук, убрал стрелу в колчан, сел, скрестив ноги, положил колчан на траву подле налуча, а лук поверх и замер, бесстрастно уставившись на пришельца. – Раздели с нами ужин и покажи своё кунг-фу.

Жёлудь, его сын, на голову выше отца и шире в плечах, уложился не так споро. В сноровке молодца чувствовалась сила, но не было стремительности и ловкости, что прибывает с опытом и лишь к седым волосам.

– Седай, незваный, – Михан опустился на бревно, пристроив палицу под рукой. Щит и оба дротика подтянул поближе, чтобы пришелец не мог до них достать.

Бард распрягся. Длинный кожаный сидор хранил драгоценные гусли красивого янтарного дерева.

– Тебя звать как? – спросил Михан.

– Филипп, – Бард устроился между отцом и сыном, уложил гусли на колени.

– «Солнышко лесное» только не вздумай петь, – предупредил Жёлудь. – От его Михана сразу пучит, а потом он начинает мощно пердеть и бегаёт по лесу кругами, роняя добро.

– Не слушай его, он дурак, – возразил Михан.

– Развлеки нас балладою, – смиренно, словно всю жизнь лил воду в сухой песок, обронил Щавель. При том молодые враз осеклись.

Бард профессионально улыбнулся, тронул струны. Звук придал ему сил. Плечи распрямились, взгляд оторвался от котла, в котором булькало вечернее варево.

– Я расскажу вам историю, достойную храбрых мужей, имеющую в себе мораль, полезную и молодым, и мудрым.

– Про Конана? – спросил Жёлудь и замер с открытым ртом.

– Песнь из эпоса о Плешивом Драконе, повелителе пчёл и пчелиных жилищ, силу которого давала река с именем женщины. Это история отважной девы-воительницы Фанни Кап-

лан, сразившей Плешивого Дракона. Она вступила с ним в бой принародно и нанесла несмертельную рану. Деву схватили подручные Дракона и казнили, а тело сожгли. Плешивый Дракон удалился залечивать раны в страну Маленьких Гор. Он утратил могущество и власть, силы оставили его. Через несколько лет он испустил дух, тоскливо воя. Вот о чём я поведать хочу, о отважные! О храбрости девы, коварно ударившей в спину, но зрением слабой.

– Валяй! – подзадорил Михан и запустил деревянную лжицу в котёл. Испробовал и кивнул спутникам. – Готово.

Под песнь неслабо похавали, глотая разварную солонину почти не жуя. Каждый откушал треть, а барду заслали вяленого карася и пару печёных картофелин, уцелевших с обеда.

Ночь Щавель провёл в дремоте вполглаза, обнимая ладонью костяную рукоятку ножа.

Поднялись чуть свет. Завтракать собирались в пути. Бард никуда не торопился и развёл костёр.

– Канайте с миром, – изысканно напутствовал деятель искусства. – Желаю счастливой дороги, воины. Хрен на вас и на ваши жилища!

– И ты отсоси не нагибаясь, – пожелал ему Щавель.

Глава вторая,

в которой к отряду присоединяется целитель, лечащий солью, а все воины получают по заслугам своим экспириенс

- Надо было отойти дальше от дороги, – сказал Жёлудь.
- Шарятся по ночам черти всякие, – буркнул Михан. – Да всё равно бы огонь увидел.
- Были бы разбойники, положили бы с трёх стрел. Мы у костра как на ладони, – разъяснил Щавель. – Они бы нас видели, а мы их нет.
- Но ты же его слышал, – сказал Михан. – Ты и разбойников услышал бы.
- А если бы я спал?
- Малый полез за словом в карман. Непыльная, некузьявая дорога змеилась промеж деревьев, и шлось по ней ни шатко ни валко.
- Далеко до тракта? – шарил-шарил в кармане и наконец выудил он.
- После обеда выйдём, – сказал Щавель.
- А чего это бард ночью шёл, а, батя? – спросил Жёлудь.
- Смотри, дурак-дурак, а умный, – вставил Михан.
- А ты засранец.
- Со свадьбы мог уходить, – помолчав, отозвался Щавель. – Свадьбу когда играют, гости пьют, а бард поёт. Когда уже все под стол упадут, бард ещё на ногах. Всю ночь невесту драит как палубу, а перед рассветом ноги в руки и даёт газу.
- Догоняют?
- Куда...
- А на конях?
- Да не, все пьяные и не спохватятся, скорее всего. А он день идёт, ночь идёт, днюет в чаще и опять уносит ноги. Никогда, парни, бардам не подавайте и не ешьте из одного котла, скоты они все.
- Бать, а художники?
- Художники нормальные, только не от мира сего.
- А у нас были такие весёлые свадьбы? – поинтересовался Михан.
- Были, – сказал Щавель.
- У кого?
- Меньше знаешь, крепче спишь. Сомнениями не мучаешься.
- Съел, пердун? – не упустил случая Жёлудь.
- Молчи, дурак, – Михан извернулся юлой. – А у кого, дядь Щавель?
- Тебя ещё на свете не было... – Взгляд Щавеля враз сделался стылым, как ледяная вода, лучник уже к кому-то примеривался.
- Зажатая лесом дорога завернула, впереди показалась спина, полускрытая большим заплечным мешком. Человек остановился, обернулся, явно поджидая попутчиков. Был он невысок, кругл телом и лицом, гладко выбрит и носил плоскую шапочку, отороченную куньим мехом.
- Желаю здравствовать, уважаемые, позвольте присоединиться к вам, – человек шагнул навстречу, подметая траву полами длинного дорожного плаща.
- С какой целью, уважаемый? – сдержанно поинтересовался Щавель.
- Вместе не страшно. У тракта грабят.
- Нас не боишься, значит?
- Лицо человеческое есть открытая книга.
- Ты «лепила»?

– Я исцеляю солями, – с достоинством ответил попутчик. – В мире науки меня знают как Альберта Калужского, который крепит жидкую воду медицинской теории в насыщенный раствор солью врачебной практики.

Воины, не сговариваясь, пропустили представление мимо ушей.

– Я Щавель, это Жёлудь, а вот этот молодец со щитом – Михан.

– О, лесной народ из Ингрии, разрази меня ангедония!

– Да, путь неблизкий, – согласился Михан.

– Как такой почтенный человек оказался вдали от дорог? – перебил Щавель.

– Я ходил в Старую Руссу за тремя солями, которые встречаются лишь в её минеральных источниках. Там попросили врачевать жену председателя в Подберезье, потом надо было лечить родовую горячку в Спасской Полисти, оттуда я ушёл бороться с засильем мракобесия в Селищи. Затем меня попросили вылечить зубы в Лесопосадке. Зубы я вылечил, но не только не заплатили, а до тракта не подбросили, порази их китайский анорак.

– Конченный народец живёт в Лесопосадке, – кивнул Щавель.

– Их даже разбойники не остановили, хотя я видел их как вас сейчас.

– Где ты их видел?

– За поворотом у съезда с тракта. Должно быть, стерегут тех, кто едет с ярмарки.

– Ты помнишь эту дорогу?

– Конечно, помню, – сказал Альберт. – Моя память крепче алмаза и рассчитана Создателем на вечность, не меньше.

По вершинам деревьев задул ветер. Лес зашумел, на голову путникам посыпалась колючая животворная педерсия.

– Думаю, нам стоит остановиться, – решил Щавель. – Поесть самим и покормить Хранителей.

Для завтрака выбрали прогалинку между сосен, захавали по паре вяленых карасей, уделили внимание доктору. Потом охотники разошлись и укрылись за деревьями. Каждый достал из сидора мешок, из мешка мешочек, из мешочка мешочечек, а из мешочечка свёрточек. В руках у Щавеля оказался резной идол, тёмно-коричневый от помазаний. Ручки Хранителя были намечены на теле резцом как прижатые к телу, в левой руке был лук, в правой – пук стрел, что означало скорострельность. Идол Жёлудя был светлее (ведь парень и жил меньше отца), а стрела была одна, но длинная, что символизировало дальность. Хранитель Михана представлял собой корень в виде осьминога, и смысл концепта был доступен только его владельцу. Воины достали из мешка обломок кости, раскололи обухом ножа, выгребли жирный мозг и помазали идолов, шепча обращения. Просили, в общем-то, одного – удачи.

Целитель терпеливо дожидался возле горки рыбьих голов и чешуи, снисходительно качая головой. Он не мог понять дикости лесных людей, отринувших несомненную силу Отца ради кратковременной поддержки ничтожных бесов, но был толерантен и признавал целесообразность религиозной терпимости: ведь впереди ждали разбойники.

На земле новгородского князя казнить имел право лишь князь. Путники не думали об этом. Парни не знали о законе, у Щавеля имелись свои соображения, а лекарь Альберт надеялся, что на оружных не нападут и всё как-нибудь обойдётся.

За деревьями посветлело. Дорога сворачивала, впереди послышалось фыркание лошади и деловитый мужской гомон. Щавель поднял ладонь. Путники остановились. Так же молча изготовились. Лучники перевесили колчаны на левое бедро, Михан снял со спины щит, нацепил на руку, взял дротик. Воины бесшумно скользнули в подлесок, оставив Альберта Калужского стоять столбом и ждать милости судьбы.

Из кустов было хорошо видно поляну возле обочины и людей, роющихся в телеге. Поодаль смиренно дрожал мужичок в одном исподнем.

– Уйдём в лес? – негромко спросил Жёлудь.

– Зачем? – отрешённо произнёс Щавель. – Нападём сами. Вы же молодые, идёте на войну. Тренируйтесь.

– Их пятеро! – шепнул Михан.

– Риск есть, – рассудил Щавель. – Ты будешь держать их на расстоянии десяти шагов от нас, не ближе. Вяжи их и сам под выстрел не подставляйся, не шныряй вбок без особой нужды. Он вложил стрелу в гнездо тетивы и поднял лук.

Когда началось, не все деловитые мужики поняли, что их начали убивать. Трое повалились почти сразу. Щавель выстрелил дважды. Михан выломился из кустов и метнул дротик, пробив грудь дородному мужику в сизом кафтане, тут же взял наизготовку второй. Грабитель со стрелой в животе поднялся и побежал к нему на подгибающихся ногах. Михан прыгнул навстречу, жёстко ударил щитом в лицо, сбил наземь, заколол.

– Давай, сынок, – приказал Щавель, – работай по людям.

Последний ринулся на Михана и успел замахнуться секирой, когда стрела, пущенная Жёлудем, воткнулась в шею. Грабитель вырвал стрелу, сразу ударила толстая струя крови. Схватившись за горло, разбойник некоторое время стоял корчась, словно пытаясь удушить себя и при этом отчаянно борясь со своими руками, но жизнь ушла, и он рухнул. Михан с булавой караулил каждое его движение, готовясь разmozжить череп, но добивать не потребовалось. Лучники вышли на поляну. Ограбленный крестьянин немедленно сел на корточки, закрыл голову руками.

– Не дрожи, бедолага, – хохотнул Михан. – Мы-то тебя не тронем!

Сочтя меру учения для первого раза достаточной, Щавель собственноручно дорезал тех, кто подавал признаки жизни. Лучники вытащили свои стрелы, обтёрли об одежду убитых. Жёлудь бережно приподнял голову разбойника, снял медальон и повесил на свою шею. Присмотревшись, взял нож. Запасным ножом обзавёлся и Михан. Взвесил в руке секиру, поколебавшись, отложил – длинна и тяжеловата. Щавель откинул полу сизого кафтана, сорвал мошну, прикинул, кивнул сам себе удовлетворённо.

Взбодрённый молодецким пендалем Михана, лапотник вытащил из-под воза притаившуюся жену, взгромоздился на мешки и погнал на лесную дорогу. Он не чаял унести ноги и молился теперь своему деревянному богу, чтобы незнакомцы не передумали.

– Пора вам причаститься, парни, – Щавель распорол рубаху на трупe жожака, сделал длинный разрез по пузу, вырвал кровоточащую печень.

– Это как с медведем, дядь? – сглотнул Михан.

– Вроде того, – Щавель зацепил большим пальцем край, дёрнул ножом, протянул Жёлудю. – Запори-ка чутка, пока тёпленькая.

Жёлудь сунул в рот печёнку и принялся старательно жевать.

– Теперь ты, Михан.

Молодец принял свою долю, оглядел недоверчиво, проглотил ком.

– Медведя же ел? – спросил Щавель, отрезая для себя оковалочек.

– Я и медведя-то не очень, дядя Щавель.

– Что ж отец не выучил тебя?

– Как-то с младости не приемлю сырого... – замялся парень.

– Ничего, привыкнешь, и я с вами заодно.

Михан зажмурился, затолкал кусок в пасть и стал перемалывать его зубами.

– Нет ничего лучше вражеской печёнки после боя, она сил прибавляет. Чувствуете, парни, как сил прибавилось?

– Чувствую, – улыбнулся Жёлудь.

Михан проглотил и молча кивнул.

Щавель спорол второй кус, когда на поляну вышел Альберт.

«Проклятые Отцом Небесным дикари! – от увиденного целителя едва не вывернуло. – И эти оказались людоедами!» Лекарь поспешно очертил напротив сердца святой осторожный круг.

– Вот твои разбойники, – небрежно мотнул башкой на распростёртые тела Михан.

– Не-ет, – затряс головой Альберт Калужский. – Это княжеские мытари.

Глава третья,

в которой ватага наконец-то встречается с разбойниками и вступает в Великий Новгород

– На нём же форма была!

– Кто её знает, эту форму, – отвечал Щавель. – Кафтан только на одном надет, а по виду все они разбойники типичные. Да и не был я в Новгороде лет -дцать.

– Узнают... ведь повесят!

– Ну ты же не скажешь, – Щавель некоторое время шёл молча, а потом покосился на лекаря. – Или расскажешь?

– Нет! Нет! Что вы! – замахал руками Альберт Калужский. Вокруг был тёмный лес, а дорога всё не кончалась и не кончалась.

Весомая мытарская мошна пояс не тянула. «На базаре лук Жёлудю куплю, – тешился Щавель, – у нас-то хороших луков не делают. Тугой лонгбоу килограммов на тридцать пять и стрел к нему навощённых, пусть радуется парень, заслужил нынче. Тетив куплю про запас. А если будет, и катушку драконового волоса. Должны же в Новгород привозить из Швеции, да из Греции. В Греции всё есть». Под такие думки шагало легко, а время летело быстро.

– Обедать будем? – спросил старый лучник, покосившись на солнце.

– Чего-то не хочется, дядя Щавель, – выдавил Михан.

– Как знаешь...

И тут все увидели разбойников.

Семеро тёртых и битых жизнью охальников в драных мытарских кафтанах ждали прохожий люд под щитом «Береги лес от пожара!».

– Кто-нибудь ещё жаждет крови? – с полным безразличием спросил Щавель.

Крови не жаждал никто. Молодые ею вдосталь накушались, а разбойники при виде накушавшихся крови молодых мигом расхотели. Одно дело купчина с полной телегой барахла и парой-тройкой охранников, и совсем другой коленкор – ватага оружных молодцов с окровавленными бородами и без купца с телегой. Позырили друг на друга: разбойники мрачно, а Щавель с расчётливым интересом, от которого сердце уходило в пятки, да так и разошлись.

За деревьями показался просвет. Дорога свернула.

– Вот и тракт, – сказал Щавель.

Перед тем как выйти на люди, привели себя в порядок. Разоблачились, вытряхнули вшей (пяток на жменю, а иные поболее!), умылись свежей водой из канавы и вышли на большую дорогу.

Великий Новгородский тракт, издревле носящий нечистое имя «Московское шоссе», являл собою широкий торный путь по грязи и гравию. Местами на обочине попадались замшелые куски мягкого диковинного камня асфальта, чудом уцелевшего с времён допиндецовых. Лечить асфальтом умели немногие. Главным образом невежественное быдло носило асфальт в кармане, тупо веря в чудодейственные свойства. Лишь отдельные понимающие выпаривали с него ароматный мумиё для примочек. Примочки от ушибов и потёртостей, да зацепить мумиё на кончик ножа и растворить в молоке от кашля, вот и вся его целесообразность.

Речи Альберта Калужского вливались в уши воинов и плавно текли себе дальше.

– Другой мумиё делают в тайге за Уралом, – вещал целитель. – Смешивают лосиное добро с целебной глиной тех мест и толкут в заячьих погадках, добавляя живицы пыхты. Сей мумиё действует как отхаркивающее и рвотное средство, но, между нами говоря, никуда не годится. Есть горный мумиё, он полезный от всех болезней. Собирают его под сводами пещер. Ентот

качественный мумиё есть горный сок, который застывает на воздухе как сосновая смола. Стоит он десять крышечек от ньюкаколы за грамм или меняют по весу на золото один к одному.

На тракте шла обыденная движуха. Ехали возы и телеги, тянулся в обе стороны разношёрстный люд: мужики, козлы, бродяги, нищерброды, калики перехожие, свободные копейщики, готовые незадорого воевать на чьей угодно стороне, проходимцы всех мастей, падшие женщины, холодные сапожники, гастарбайтеры, греки, китайцы и прочая шлоебень. Но была особенность – попутно ватаге двигалось значительно больше оружных, чем навстречу. Новгородский князь стягивал наёмников в войско.

До темноты прошли полпути.

– Заночуем в лесу, – сказал Щавель, когда миновали Мясной Бор. – Народец у тракта живёт смирный, но проходимцев кто знает. Не будем мутить судьбу. Мы нужны князю.

Канули в чащу, затащив за компанию Альберта Калужского. Не бросать же доктора, оказавшегося приятным собеседником, а то как спазит! Лепил и ведунов должно держать на коротком поводке и прикармливать. Наварили густой похлёбки из солонины. Съестного не жалели, обедать намечали в Новгороде.

– Балтийского моря соль, – определил Альберт с первой ложки. Лжица у него была как маленький черпачок.

– Так, – подтвердил Щавель.

– Йодистой сути не имеет, посредственна в лечении ран и жара, хотя невская вода сама по себе вкусна, – поведал доктор. Он со смаком навернул нажористого варева и завалился спать, окутавшись, будто коконом, епанчёр.

– Во избежание палева дежурим по очереди, – постановил Щавель.

– А его? – кивнул на доктора Михан.

– Пусть его, – отмахнулся старый воин. – Ты сам-то как думаешь?

– Ну, да, – сообразил молодец. – Знаем же человека всего день. Туплю.

– Я не сплю, я всё слышу, – подал голос Альберт Калужский.

– Спи, – Щавель растянулся у костра, подоткнув под голову сидор. – Сначала дежурит Михан, потом Жёлудь. Сынок, разбудишь меня, когда зазнобеет.

– Понял, батя, – отозвался Жёлудь, но долго сидел у костра, болтая с товарищем и неслышно отлучаясь за дровами.

От нечего делать хвороста наготовили гору.

– То-то разбойники порадуются, – усмехнулся Щавель, меняя на посту сына.

Царил гадкий час трясунца, когда робкие предрассветные демоны, осмелев за ночь, вылазят наружу и заползают путникам под рубашку. Щавель ёжился от их зябкого шныряния по спине. Он подкидывал дров, но даже большой костёр демонов не прогонял. «Огонь неподходящий, – подумал Щавель. – Добыть бы чистого огня, он поможет. Да как его добудешь, солнца-то нет. Да и лупы нет. Вот бы солнце не взошло, тогда было бы клёво. Быстро бы предрассветные демоны вошли бы в силу? А если вошли, то какими бы стали? Говорят, после Большого Пиндеца солнце не всходило три месяца кряду, обиделось, но ничего, люди выжили. Что демоны... Есть мнение, что не из-за демонов озноб, а потому что за ночь воздух остывает и тело стужит, пока его солнечные лучи не прогрели. Глупое мнение, ведь это не тот озноб, который от холода. Это озноб, который колотит ранним зимним утром, когда темно, но надо вставать и идти. Если вставать обязательно, то колотит, даже если в постели лежишь. Это демонический озноб, а вовсе не воздух остыл».

Так думал он, шуруя в огне палкой, прислушиваясь к обстановке за спиной. Лесные звуки Щавель знал все, он даже знал, как разговаривают души солдат в Синяве и мёртвые атомщики в пойме Припяти. В лесу для него не было тайн, и Щавель мог не напрягаясь пасти любого чужака, вздумавшего подкрасться во мгле.

Он сидел и глядел, как дрожат во сне парни, шёпотом ругал демонов. Но предрассветные осмелели, и матом их было не прогнать. Только доктор благодушно похрапывал в коконе из епанчи. Щавель даже завидовал ему, незнатному невоенному человеку. Лекаря демоны избегали касаться, ведь знание – сила!

Огонь унялся, небо светлело на глазах. Щавель замастрячил козырное хлёбово с перцем, чтобы жралось до отвала. Шагать придётся много, зато один переход, и на тебе – городская стряпня! Забурлило, дал прокипеть на углях, снял, отставил в сторонку, накидал хвороста. Огонь полез вверх и взвился. Щавель попинал молодцов:

– Ауфт, швайнен, шнель-шнель!

– Я не сплю, я всё слышу, – немедленно отозвался Альберт Калужский.

– Тебя тоже касается, почтенный доктор. Жрать готово. Подавать в постель не буду, у нищих слуг нет.

Парни одуплились, сразу полезли чуть ли не в самый огонь. Кряхтели, разминались, потягивались. Наконец, спереди обдали жаром и пересели боком, доставая из сапога лжицы. Альберт Калужский вынырнул из кокона с ложкой наготове и присоединился к столующимся.

– Мне сны про немцев снились, а я даже толком не знаю, кто они, – сказал Михан, очистив котёл. – К чему бы?

– К тому, чтоб ты бежал, добро роняя, и пропал, Россией проклят, – вернул Жёлудь.

– Молчи, дурак!

– Место такое, – сказал Щавель. – Здесь давно была большая война, вот и снятся.

– А голосов нет, – заметил Жёлудь.

– Их здесь хоронили много. Долго после войны ходили специальные люди, искали кости и погребали по христианскому обряду. По тому древнему, что со звездой. Пока все кости не выкопали, не унялись. Говорили, что, пока остался последний непохороненный солдат, война не кончилась. Неправильно говорили. Сразу, как нашли всех, так пришёл Большой Пиндец.

– Не надо было хоронить? – спросил Михан.

– Надо было чутка оставить. Наши павшие как часовые, – сказал Щавель. – Земля хочет солдатских костей. Земле нужны солдатские кости. Если отнять у неё и дать другому богу, земля возьмёт новых сама. Когда все кости поднесли звёздам, земля рассердилась и устроила Пиндец всему.

– Я, натюрлих, – закивал Альберт.

– Давайте-ка уматывать отсюда, – вздохнул Щавель. – Хреновое тут место.

Поднялись. Зассали костёр. Впряглись в сидора. Вышли на тракт. Не к обеду, конечно, а много позже прибыли в Великий Новгород. Обогнули испоганенное БП место и вступили в светлый град.

– Ух и охрененское же здесь всё! – только и вымолвил Михан.

В городе пахло нечистым дымом, испражнениями и ржавчиной. Печные трубы вздымали серое облако, которое не спеша уплывало по ветру. Подметённые мостовые не радовали глаз ни единой былинкой, лишь редкие клочки сена да свежие конские яблоки напоминали о привычной доселе жизни. Парни, кроме леса ничего не видевшие, были придавлены в каменных улицах массаами гуляющего народа. Казалось, что люд бездельничает и в то же время торопится по неотложным делам. Горожане были неприветливы и никак не отвечали парням, хотя те вежливо старались здороваться с каждым встречным. Альберт Калужский, конечно, не смутился, видал и не такое. Щавель только посмеивался.

Он привёл ватагу на постоялый двор, сняли в складчину комнату на четверых вместе с доктором. Спустились в трапезную, пустую в межвременье.

– Супа нет, – просветил их давалец. – Сожрали весь. Рекомендую гречневую кашу со шкварками. Её как почнёшь метать, так пока не кончится.

– Давай кашу, – сказал Щавель. – И пива.

- Шведского, чухонского? Есть греческие крепкие напитки.
- Домашнего, нефilterованного.

Половой умёлся. Щавель отвязал от пояса мошну, распустил устье и вывалил добычу мытарей. Чего здесь только не было! Шведские серебряные кроны, медные копейки, золотые греческие драхмы, гривны, полушки, вольфрамовые ордынские рубли и даже выломанный с кровью зуб в золотой коронке.

- Не хило! – сказал Михан.
- На оснащение хватит, – заключил Щавель.

Настроение сразу поднялось.

- Вы, парни, после обеда спите. Тебе, доктор, я не указ.

– Я тоже предамся в объятия Морфея, пожалуй, – сказал Альберт Калужский. – Но позвольте узнать: что же вам мешает обрести покой после нелёгкого пути?

– Долг, – обронил Щавель. – Я должен по прибытии сразу предстать пред очи светлейшего князя.

Глава четвёртая,

в которой Щавель встречается с князем

В кремль Щавель проник со служебного хода, отметив, что за годы ничего не изменилось. Так же тихо крутятся обильно смазанные петли, та же конторка справа, за конторкой клерк, от века не блещущий ни умом, ни учтивостью.

Щавель предъявил ему пригласительный жетон – лоскут кожи в ладонь величиною с тиснённым номером. Здраваться не стал, чай, не в деревне. Клерк с тупым безразличием сверил номер в учётной книге.

– Имя? – пробубнил он, с презрением оглядев скромный наряд визитёра.

– Щавель.

Дверь за спиной отворилась.

– Откуда ты, Щавель? – поинтересовался вошедший в кремль молодой толстячок в меховой куртке с собольим хвостом на плече.

– Из Тихвина.

– Щавель из Ингрии! Ты убил Царевну-Птеродактиль в Чернобыле?

– Да, – бесстрастно обронил Щавель, а Жёлудь, случись ему здесь быть, заметил бы, что отец расстроился.

– Пропустить. Он со мной, – приказал молодой человек.

Клерк мигом выписал одноразовый пропуск на бланке превосходной шведской бумаги, и они пошли по тёмному коридору кремля.

– Я помощник начальника канцелярии Иоанн Прекрасногорский, – представился молодой человек. – Рад видеть у нас дорогого гостя. Разреши нескромный вопрос?

– Валяй, – бросил Щавель.

– Расскажи, как ты убил Царевну-Птеродактиль?

– Они сидела на крышке реактора, когда я впервые её увидел. Разъярилась и давай кружить, а зубы у неё как пила. Пока чёрную стрелу не выпустил, не сбил, так ещё добивать пришлось. Стою весь в крови, будто свиной резал. А она говорит человеческим голосом... Впрочем, неважно, что говорит. В реакторном зале была кладка яиц, но я их не тронул.

Узкому извилистому коридору конца не было.

– Воин, искупавшийся в крови птеродактиля, не ведает промаха, – осторожно сказал Иоанн.

– Я и раньше не знал.

– И за это несёт расплату... – задумчиво добавил молодой человек. – Что не так с твоими детьми?

– Младший дураком растёт.

– А старшие появились до похода в Чернобыль, – утвердительно произнёс сообразительный канцелярист.

– Да.

Наконец остановились у двери.

– Я проведу тебя прямо к князю, – заверил Иоанн. – Лично доложу ему. Ты подожди немного в приёмной.

Приёмная светлейшего князя новгородского поражала пышным убранством. Во весь пол от плинтуса до плинтуса раскинулся огромный ковёр настоящего китайского нейлона. Скамьи вдоль стен были застелены коврами шерстяными басурманской работы, победнее, но тоже очень красивыми. Ковры висели на стенах. Китайские. Шёлковые.

«Во даёт князь! – удивился Щавель. – Каждый ковёр дворов тридцать стоит. Не иначе Россию продал».

– Заходи, – выскользнул Иоанн.

Щавель вошёл в приёмный тамбур, разделённый пополам барьером, за которым сидел матёрый клерк. Входную дверцу караулили два рослых воина в красных золотоголунных кафтанах с алебардами в руках.

«Много тут намахаешь алебардой?» – прикинул Щавель кубатуру помещения. По всему выходило, что не много. Тут же сообразил, что по тревоге воины отступали за дверь, в которую без наклона не пройдёшь, и рубили вражью голову, а сами оставались недосыгаемыми для выпада мечом. Для боя в тамбуре на поясе висели кинжалы.

– Оружие есть? – сбил с мысли клерк.

– Есть. Нож.

– Сдай. Будешь выходить, заберёшь.

Щавель отвязал ножны, положил на барьер.

– Девятый номер, – клерк спрятал нож куда-то под стойку, протянул взамен кожаный жетончик. – Не потеряй. Ещё оружие есть?

– Больше нету.

– Надо проверить. Не двигайся.

Страж отставил алебарду, проворно обыскал гостя. «С ним на рынке рядом не стой, – подивился ловкости дружинника Щавель. – Мигом без кошелька останешься».

– Чист, – доложил стражник.

– Проходи и жди своей очереди, – пригласил клерк. – Секретарь проводит тебя.

Второй страж распахнул дверцу, и Щавель пролез в залу не чета первой: куда больше размером и гораздо богаче коврами. Это была настоящая приёмная князя, а не отстойничек перед пропускным тамбуром. На стенах поверх ковров висели портреты новгородских властителей от Прусака и донине, в большинстве своём писанные по холсту маслом, но встречались древние, выполненные бесовским способом. Под портретами напротив друг друга сидели двое. Рослый статный боярин с седыми бровями и окладистой чёрной бородой, в высокой собольей шапке, шитом золотом парадном кафтане и красных сапогах. Боярин восседал, откинувшись на стену, руки уложив на колени, словно готовился пружинисто подняться и дать в морду толстяку-греку, по-мышинному суетливо бегающему маслинами глаз с портрета на портрет. «Купец», – определил Щавель по роскошному заморскому наряду. Появлению нового человека грек обрадовался, как глотку свежего воздуха, оторвал взгляд от картин и с благодарностью уставился на Щавеля. В глазах сразу промелькнуло брезгливое любопытство при виде неподобающей одежды. Боярин грозно вздохнул. Грек инстинктивно окунул голову в плечи и снова забегал глазками по картинам. Щавель невозмутимо уселся на свободную скамью и принялся ждать своей очереди.

В дальнем конце зала отворилась низенькая дверца. Из неё вынырнул похожий на грифа человек.

– Боярин Волокита, прошу вас пожаловать к светлейшему князю, – произнёс он неожиданно густым басом.

Боярин ещё раз прожёл взором грека, степенно взмыл на ноги и скрылся. Напряжение сразу пропало, будто у магнита отпилили половину, превратив его в однополярный магнит. Во всяком случае, именно так представлялся Щавелю разнопротивный союз купца и боярина, когда каждый из оппонентов является катетом, а отношения, меж ними возникающие, гипотенузой, с которой кормятся сами катеты и все, кому не лень.

Аудиенция боярина не затянулась, и вскоре он вылез, как из норы, в приёмную. На миг случилась грозная атмосфера, но уже грек устремился предстать пред очи светлейшего.

– Купец Попадакис, твой черёд, – пророкотал секретарь.

Уединение Щавеля длилось недолго, потому что в приёмную ввалились разом мясистый боярин в чудных сапогах, отороченных медвежьим мехом, и помощник начальника канцелярии, прижимающий к груди вязанку пергаментных свитков малой величины, не иначе как грамоты на подпись. Узрев Щавеля, улыбнулся и нырнул без доклада. Почти сразу вышел грек, умиротворённо прижмутив глаза-маслины. Боярин в медвежьих сапогах плюхнулся на скамью, шумно отдуваясь.

Довольно споро появился Иоанн Прекрасногорский, следом за ним секретарь.

– Командир Щавель, смиреннейше и с уважухой прошу пожаловать к светлейшему князю.

Гриф занырнул вперёд, почтительно придержал низенькую дверцу. Пролезая мимо него, Щавель втянул ноздрями воздух. От секретаря пахло застарелой кожей, перьями и высохшим деревом. Он оказался в обширном тамбуре с единственным окном. Большую половину занимало гнездо секретаря – шкафы, громадный стол, заваленный бумагами, свитками и даже берестой. Дверь в кабинет князя охраняли два стража с алебардами и короткими топориками.

«Как дать таким по лбу, – подумал Щавель. – Милое дело. Не забалуешь».

В кабинет пришлось заходить, согнувшись в три погибели.

– Земной поклон, светлейший князь! – молвил Щавель.

Дверь за ним закрылась.

– Здравствуй! – Лучезавр, князь Великого Новгорода, шагнул навстречу.

Старые друзья обнялись.

– Сто лет тебя не видел!

– Пятнадцать, – сказал Щавель.

– Пойдём выпьем. – Князь увлёк гостя в дальний край, где у пустого камина помещались кресла и столик с бутылками. – Будешь греческую метаксу?

– Не откажусь. – Щавель утонул в кресле, непривычно мягком и глубоком.

Князь откупорил длинную узкую бутылку, наполнил до краёв хрустальные рюмки:

– За встречу!

Греческая выпивка провалилась в нутро, оставив во рту привкус яблок и ароматы дикорастущих трав. Князь с комфортом устроился напротив и рассматривал старого друга с живейшим интересом. Был он сам необычайно ухоженный, роста и комплекции средних, с аккуратными усиками и бородкой, холёными ногтями и безупречным пробором в волосах. Щавель вдруг показался себе форменным дикобразом со своей жидкой бородой и двумя тонкими косами на спине, в которых проглядывала вплетённая тетива из конского волоса.

– Эк ты одичал у себя в лесу, – немедленно подтвердил догадку светлейший князь.

– Жить в обществе и быть свободным от него невозможно, – ответил Щавель, который успел приготовиться.

– Что нового в твоих краях?

– Всё спокойно. Люд торгует со шведами и чухной.

– Стоит Тихвин?

– Стоит. Куда денется...

– Что ещё хорошего?

– Я твоих мытарей убил на дороге от Лесопосадки. Всех пятерых.

– Много успели награть?

– Совсем пустые были, – Щавель явственно ощутил на поясе тяжесть кошель и пожалел, что притащил добычу в кремль.

– Ну и чёрт с ними, – сказал князь. – Тебе прощаю.

– Что так много мытарей наплодил? Обирают пахарей почём зря, – повинуюсь наитию, Щавель самолично наполнил хрустальные рюмки и не прогадал.

– Не от хорошей жизни, – князь помрачнел. – Придётся ополчение собирать. Наймиты тоже без денег воевать не будут.

У Щавеля захолонуло сердце.

– В чём причина того?

– На нас идёт Орда.

Князь встал, взял бутылку бурды, отошёл в козырный угол, полил на голову идола, окропил икону, набулькал в разверстую пасть богу Пердуну, воздал должное Ктулху, почтил прямоугольный блок Пентиума, уделил внимание вуду-пиплу. Лучезавр был предусмотрителен и заручался поддержкой всех сил. Из-за них Новгород стал великим и светлым.

Вернулся к столу, самолично налил метаксы.

– Разведчики шныряют всюду, – заметно помрачнел князь. – Конные полусотни видели под Воронежем.

– Они всегда там мелькали.

– Не в таком объёме. Это война, тля буду. Железной Орде нужны рабочие руки, выход к Чёрному морю и в Швецию. А торговый путь – это Новгород.

– Гоняли уже Орду, – заметил Щавель.

– Её в дверь, она в окно, не воинской силой, так через агентов влияния. Теперь опять лезет, есть верные приметы – басурмане надумали строить железную дорогу. Хан Беркем в силу вошёл, заготовил рельсов до самой Москвы. Спит и видит, как Русь Святую заполнить. Этот ход надо пресечь любой ценой. Первым делом прекратить строительство железной дороги в Москве. Её местные начали прокладывать на основе старых запасов. Сил у них немного, отвлечёшься ненадолго на москвичей от выполнения основного задания. Руби змее хвост, а там и до головы доберёшься. Кстати, про полон. Ты пойдёшь с невольничьим обозом до Арзамаса. Положение аховое. Новгороду нужны герои, бабы рожают дураков. Работать некому. Быдло ленится, гастарбайтеров не хватает. Надо сходить в Низовые земли, наловить мужиков, пусть вкалывают. Если придётся отбирать, оставляй тех, кто по железу и прочим умельцев, стеклодувов или горшечников. Мужиков бери нормальных, русских, чтобы работали и не бегали. Баб не бери, они путь не сдюжат, да и толку от них с гулькинос. Баб у нас хватает своих.

– Сделаем, – кивнул Щавель. – Ты меня за этим посылаешь?

– Такого знатного воина без дела не отвлёк бы. Надо по пути следования порядок навести, есть местами на Руси неурядицы. Порешаешь там вопросы от моего имени. Но и это не всё. У Арзамаса ты оставишь обоз. За ним есть кому присмотреть, отправляю с тобой крепкого работоторговца. Теперь главное: ты должен зайти как можно дальше на восток и узнать как можно больше о Железной Орде. Хоть в Белорецк проберись, в самую ставку. В Белорецк никто больше не попадёт, а ты, знаю, сможешь. Разведай, чем они живут. Узнай как можно больше о железнодорожном ходе, о темпе строительства, о ресурсах. Если получится, притормози его. Сам понимаешь, ни в чём тебя не ограничиваю. Беспредельничай.

– Мне за это ничего не будет?

– Я знал, что до этого дойдёт. Ну?

– Мне деревню во владение дай. Я с младшим сыном пришёл и его ровесником, им тоже за поход выдели долю в рабах и добыче.

– Может, ещё волюсь на прокорм? Каждый, просто каждый стремится кус от тела земли русской с кровью урвать!

– Такова княжья доля – делиться.

– Дам тебе деревню. У тебя же была одна?

– Хорошая жена дорого стоит.

– За жену ты отдал деревню эльфам, – упрекнул князь.

– Эльфы тоже люди.

– Драная чухна, – буркнул князь.

- Ещё как драная, – подтвердил Щавель.
- Все деревни на севере их. Как ты думаешь, отвоюем?
- Надо будет, отвоюем, – сказал Щавель.

Помыслы князя взметнулись вверх по карте, к Ладожскому озеру, к северной войне. Прогнать эльфов, самому взять целиком водный путь, чтобы не заграждала чухна выход к шведам. Нет, сейчас не время. На пороге Железная Орда с паровозом и рельсами. На два фронта биться не хватит ни сил, ни средств.

- Семья-то как твоя? – переключился князь.
- Растёт. Трое сыновей, старшие женаты, живут своим домом.
- Дочки?
- До лешего. Кто их считает...
- Князь подумал, нахмурился.
- Трое сыновей... Отчего старших не взял?
- Старшего на хозяйстве оставил, среднего в помощь и охотиться.
- Да, лучших кто отдаст, – рассудил князь. – А с младшим у тебя что?
- Дураком растёт.
- Ты привёл дурака?

– Жёлудь стрелок отменный, но счёт ведёт по пальцам. Как больше десяти, путается. И читает по слогам. А так парень справный.

- Так он грамотный?!
- У меня даже девки грамотные, – сказал Щавель.
- Должно быть, не зря ты деревню за эльфийскую жену отдал, – согласился князь.
- Твои как? Велик ли нынче гарем?
- Сто пятьдесят пять рыл.
- Это с приживалками?
- Без.

– Как светлейшая княгиня Улита?

– Оставляет меня без наследника, – с горечью молвил князь. – Девочек мечет как икру, а парней ни одного.

- Ты, это, не сдавайся, – посоветовал Щавель.
- Наше дело – напор и тактика, – сказал князь. – Помнишь, как мы кремль брали?
- Да уж... Сапоги от крови промокли, аж ноги внутри были красные, – улыбнулся старый лучник.

- Давно это было... – вздохнул князь.
- Почитай, лет двадцать пять?
- Шесть, дорогой, двадцать шесть!

– Точно! Как время летит, – Щавель располовинил остатки метаксы, за разговорами друзья прикончили бутылку. – Молодые были, резвые...

– Ладно, потехе час, делу время, – князь поднялся и увлёк Щавеля к письменному столу, за которым огласил детальный план похода, и окончил речь так: – Вот тебе удостоверение, зайдёшь в канцелярию, там нарисуют портрет. Знаешь, где канцелярия?

– Помню.

– Племянник мой двоюродный, Иоанн, от тебя в восторге. Шустрый малый, на лету всё схватывает. Он увлекается летописанием, будет тебя расспрашивать о старых временах и боевом прошлом, посылай его чеканить шаг в лесную даль.

– Понимаю, князь, – усмехнулся Щавель в усы.

– До скорой встречи! Хотя – стоп. Вот тебе пропускной жетон. Завтра вечером празднуем отвальную, можешь прийти с сыном, познакомлю тебя с людьми.

– Кто отваливает?

– Ты. Послезавтра приводите в порядок снарягу, и на следующий день спозаранку отбываешь всем обозом на восток.

– Быстро едешь, князь, – заметил Щавель.

– Напор и тактика, – назидательно сказал князь. – Напор и тактика.

* * *

Канцелярию Щавель отыскал без подсказки. Она никуда не переезжала, только расширилась неимоверно. Клерки показали художника. Щавель протянул пергамент, устроился на табурете, и художник несмываемым свинцовым карандашом набросал на удостоверение его портрет. Щавель глянул и подивился: вышел как живой. Рисовальщик точно ухватил выражение лица, прищур, наклон бровей – весь набор отличительных черт, придающих физиономии неповторимую индивидуальность.

Выправив грамоту, Щавель вернулся на постоянный двор. Смеркалось. По мостовым пустеющих улиц робко катили первые золотари, в бочках булькало добро. В трапезной Щавель взял крынку парного молока вечернего надоя, поднялся в нумера. Парни сразу пробудились, принялись:

– Чем, батя, князь тебя потчевал?

– Метаксой.

– Должно быть, вкусна.

– А то! Она же греческая.

– В землях южнее Орды, – Альберт Калужский распеленался из кокона, сел на топчане, зевая и потягиваясь, – правит эмир бухарский. Его счастливые подданные регулярно пребывают в благородной бухаре. Лучшие умы того царства изобрели напиток, называемый айраном. Для того смешивают молоко коровье или кобылье с водой и крепят пустынной солью. Сей напиток айран утоляет похмельную жажду, ибо огонь спиритуса суть имеет бесовскую и окончательно загасить его возможно лишь молоком, как чистый огонь или Сварожича.

– Отчего же у нас такой айран не делают? – спросил Михан.

– Особенности потребления обусловлены культурными различиями, основанными на традициях, происходящих от национального менталитета.

– Ну да... И чего?

– Это значит, что бухарики пьют айран, а мы рассол огуречный или капустный либо простоквашу.

Под эти разговоры Щавель отбился. Метаксы было употреблено не так много, чтобы утром посылать за рассолом, но мысль об айране не шла из головы. Отведать бухарский напиток казалось делом нетрудным, требовалось раздобыть ковш воды и щепотку соли. Щавель промучился полночи, но всё-таки поднялся, вроде как в сортир, однако на обратном пути решил заглянуть в трапезную, там всегда кто-то есть.

Заполночная гостиница жила своей жизнью. В коридоре сновали тени, слышались шепотки на неведомом говоре, пахло жареным и странной гарью. Щавель наткнулся на оборванца. Пролаза держал перед собой обрубок сушёной руки, в окостеневших пальцах которой потрескивала чадная свечка.

– Спи! Спи! – зашептал оборванец, тыча в непокорного постояльца мумифицированным подсвечником.

Щавель крепко завернул ему в челюсть. Оборванец грохнулся кулём, сухая рука отлетела под стену, свеча потухла, лишь грубый фитиль продолжал тлеть.

На шум из соседнего номера выглянули двое. Один с мешком, другой с коптилкой вполне заурядного вида. Мешочник оставил добычу, выдернул из-за пояса дубинку. Щавель прыгнул, едва не порвав в шагу портки. Левый кулак вбил рёбра в самое нутро татя. Он выронил дубинку, согнулся. Подельник, не выпуская коптилки, схватился за нож. Пальцы Щавеля крепко обвили запястье, придавив к поясу. Вор изо всей силы боролся, не думая, однако, бро-

сать коптилку, исправно держа её в другой руке на отлёте. Щавель отобрал нож, он был широкий и кривой, будто кусты подрезать. Этим садовым ножом Щавель в одно движение перехватил вору горло.

Глиняная коптилка упала, разбилась и погасла. Щавель ринулся в номер, предчувствуя нехорошее, ведь парни должны быть давно на ногах, а они дрыхли, и разбудить их оказалось невозможно даже тряской.

«Хитрый огонь!» – сообразил Щавель. В распахнутое окно попадало немного ночного света. Щавель схватил крынку, вышел в коридор. Хрипел, как зарезанная свинья, умирающий, да внизу топотали бегущие тати. На полу красной точкой тлела колдовская свеча. Щавель вылил на неё крынку. Уголёк погас. Всё в гостинице разом пришло в движение.

– Подъём, парни! – предупредил Щавель о своём появлении; Жёлудь уже поджидал гостей возле притолоки с ножом наготове.

Коридор наполнялся растревоженным людом. Многие постояльцы обнаружили пропажу. Мигом стало светло.

«Сходил айрана попить», – Щавель посмотрел на сушёную руку в луже молока, на оборванца, замершего рядом. Обернулся к своим.

– Ещё одно дело есть, – сказал он.

Глава пятая,

в которой Щавель ведёт парней на торжище

Спасла грамота. Вызволять из околотка победителя шайки прибежал Иоанн Прекрасногорский.

«Командир Щавель снова в деле! – подумал заместитель начальника канцелярии, выяснив у ночного дежурного обстановку. – Не успел объявиться в Новгороде, как на погост потянулись телеги. То-то светлейший князь спешит отправить героя подальше». Иоанн Прекрасногорский не злился. Жизнь в присутствии героя становилась красочней и разнообразней.

Он шагал рядом со своим кумиром по рассветным улицам. Шуршали мётлами гастарбайтеры. С окраины доносилось мычание – по навозной дороге на выпас гнали скот. От пекарен несло свежим хлебом и калачами. Над Новгородом висел малиновый перезвон колоколов. Щавель поднял голову. Высоко на колокольне, как бешеный паяц, метался звонарь, оповещая православных о появлении Отца Небесного. Верующие люди выходили к заутрене, смотрели на розовеющие облака, ждали, когда Отец выглянет из-за окоёма. Лица православных разом расцвели, пальцы стали обводить напротив сердца святой круг. Когда Отец Небесный целиком явил Свой лик, толпа на набережной взорвалась под размеренный звон: «Слава! Слава! Слава!»

– Ты не православный? – спросил Щавель.

– Я служу знанию, – смиренно молвил Иоанн. – У меня нет времени на ритуалы.

– Знание – сила, но ритуалы тоже дело полезное.

Молодой бюрократ покосился на спутника. Сотни вопросов вертелись у него на языке. Наконец Иоанн не вытерпел:

– Я всё понимаю, Щавель из Ингрии. Ритуалы, обряды... Но поясни: зачем ты вору, как бы сказать по-вашему, по-лесному, в дупло Счастливую руку забил?

– Он искал на свою жопу приключений, – спокойно ответил Щавель. – Он их нашёл. Теперь пусть не плачет.

– Вора в околотке задуть пришлось из милости, – поведал Иоанн. – Он бы не выжил. Ты ведь Счастливую руку в дупло по локоть забил, это всё равно что на кол посадить. В Новгороде так не делают, у нас воров...

– Мы в Тихвине тоже на кол только разбойников сажаем.

– ...отправляют на тяжёлые работы.

– Воров мы вешаем, – закончил Щавель.

– Крутенько. Так всех не перевешаете ли?

– У нас свои не воруют.

– В Новгороде обхождение с ворами иное, – деликатно заметил Иоанн. – Здесь они пользу приносят.

– Был бы он просто крадун, а он колдун. Вдруг ещё чего наворочит. Колдуна перво-наперво обезвредить надо. Забиваешь ему в гузно орудие преступления и более не ждёшь от него неприятностей.

– Много ли доводилось тебе встречаться с колдунами, Щавель из Ингрии?

– У нас эльфы, – объяснил Щавель. – Эльфу пока полную задницу талисманами не набьёшь, не уймётся.

– А потом?

– Потом голову отрезать и на костёр.

– Почему на тебя не подействовала Счастливая рука? – задумался Иоанн Прекрасногорский и тут же спохватился: – Кровь птеродактиля! Вот ещё её тайное свойство. Я должен внести это в анналы!

«В чьи анналы?!» – с подозрением покосился Щавель на пылкого молодого человека, но тот не повёлся, мечтая о своём.

Расстались у постоялого двора, весьма оживлённого после налёта шайки. Завидев Щавеля, люд примолкал удивлённо. В нумерах он застал ватагу в полном сборе. Парни радостно кинулись навстречу:

– Что в околотке было, дядя Щавель?

– Поговорили и отпустили. Сейчас на рынок пойдём.

– Не чаял видеть тебя, – признался Альберт Калужский, – после того, что ты учинил. За убой в Новгороде положена виселица либо общественно-полезный труд.

– За злонамеренный убой, – уточнил Щавель. – За самооборону не наказывают.

Он достал из-под топчана сидор. Порылся. Вытащил прихваченную из дома мошну.

– И того татя, которому вы сушёную руку забили, тоже... ты самооборонился?

– Конечно, самооборонился. От колдовства, – Щавель привесил мошну рядом с мытарской, одёрнул пояс, подвигался. Одежда сидела ладно. – Объяснил в околотке. Там люди сидят неглупые, всё поняли и отпустили с миром.

– Отпустили... Даже без суда. Не могу поверить своим ушам, но верю своим глазам, – пробормотал Альберт Калужский. – Видать, непрост ты, лесной человек.

– Простота хуже воровства, но лучше толерастии, – Щавель прикрыл полую безрукавки костяную рукоять ножа. – Идёшь с нами на базар?

Гостиный двор помещался на другом берегу Волхова. Надо было миновать полгорода, чтобы добраться до него. Завернули в кабак, в укромном углу покормили Хранителей да сами подкрепились пшённой кашей и продолжили путь на сытый желудок, дабы не сверкать глазами на торгу, понуждая купцов взвинчивать цену.

– Ты хорошее дело сделал, Щавель из Ингрии, – после завтрака лепила подобрел. – Я слышал от постояльцев, что шайка немало бед причинила богатым новгородцам. От Счастливой руки спасу нет. С ней заходи в любой дом, когда все уснут, и хоть кол на голове у хозяев теши, никто не проснётся. Многие так пострадали.

– Почему её «счастливой» зовут? – спросил Михан.

– Потому что в ней счастье воровское, – просветил Альберт Калужский. – Для добрых людей – горе. А вообще сие есть зело человекопротивное колдунство. Вор вора поедом ест за него, в самом буквальном смысле. Ведь этот пакостный талисман как делают? У повешенного вора надо в полночь отрезать правую руку по локоть и так плотно замотать в кусок савана, чтобы вышла вся кровь без остатка. Потом её засыпают солью и чёрным молотым перцем, сгинают пальцы в кулак, заворачивают обратно в саван и сушат недели две, пока полностью не иссохнет. Потом вешают досохнуть на солнце или кладут в протопленную печь. На этом мерзости не кончаются. Для изготовления свечи надо с трупа повешенного вора срезать всё сало, включая нутряное, и вытопить из него жир. Три части этого жира надо смешать с пятью частями свечного сала и одной частью лапландского кунжута.

– Вот чем в коридоре воняло, – смекнул Щавель. – Уж больно ты сведущ, как я погляжу. Сам-то не промышлял со Счастливой рукой?

– Что за поклёп! – возмутился Альберт Калужский. – Всякий просвещённый человек должен знать не только свою отрасль, но и смежные. Если я исцеляю людей, я должен разбираться во всём, что можно сделать с человеком и из человека, включая способы свежевания, ушивания ран и постановку представлений в анатомическом театре. Убогие колдовские манипуляции вроде приготовления Счастливой руки или какой-нибудь головы-оракула ни в какое сравнение не идут с мастерством выскребания плода из беременной бабы.

– Это-то на кой творить? – Михана чуть не вывернуло.

– В самом деле, – заинтересовался Щавель. – Для колдовства или то кулинарные изыски народов востока?

– Чтобы баба не рожала.

– Так пускай себе рожают.

– Бывают нежеланные дети, – сказал доктор.

– Нежеланных всегда придушить можно, – заметил Щавель. – Или отваром из поганок напоить. Иных берут за ноги и головой об угол.

– Моряки называют сей способ «об борт», – поведал Альберт Калужский. – Он распространён на судах торгового флота Швеции, где бабы запросто работают в команде наравне с мужиками. А вот суеверные греки считают, что женщина на корабле к беде, и пользуются домашним скотом.

За разговорами о странных обычаях иноземцев миновали кремль и добрались до Горбатого моста. С него открывался на обе стороны вид величественный. Как на ладони лежали причалы, в три ряда уставленные пришвартованными борт к борту расписными ладьями новгородцев, смолёными волжскими барками, двухпалубными греческими галерами, чёрными баржами и серыми шведскими буксирами. За пристанью белела колоннада Гостиного двора, украшенная пёстрыми навесами. У каждой торговой компании – свой раскрас. Там копошился чёрный людской муравейник. По левую руку раскинулась набережная Александра Невского, вдалеке виднелась священная роща. Постояли, полюбовались. Ветер дул в спину, в сторону торгова.

– Больше прежнего, – сказал Щавель. – Цветёт Великий Новгород.

Парни, отродясь такого не видевшие, замерли в восхищении. Вздыхали только: неужто не придётся здесь жить?! Щавель раздал им по копеечке. Бросили с моста в Волхов, на удачу, чтобы Водяной царь, имеющий с купцами самую тесную связь, не позволил околпачить покупателей. Недаром умные люди говорят: торг вести, не мудами трясти. Одной поддержки Хранителей для такого важного дела могло не хватить. Хранители для леса, а тут эвон какая силища!

– Могуч светлейший князь! – заключил Щавель и двинул ватагу вниз.

Новгородское торжище даже в будний день кипело. Лотки с разнообразной снедью начинались от Горбатого моста, чтобы мухи не слетали с пахучей рыбы на дорогие заморские ткани, разложенные в глубине торговых рядов, да и бабам ходить за провизией удобно – к дороге близко. Рыбы было... Одного только сетка, что таскают сетями из Ильменя, имелось во всех мыслимых видах: сушёного, вяленого, варённого в томатном соусе, перепревшего под гнётом в особую приправу (у лесных парней дух перехватило от насыщенного амбре). Лежали рыбы солиднее: шуки, судаки, голавли, громоздились подлещики и плотва. Свежие, вяленые, копчёные. Водяной царь щедро одаривал почтительных ловцов, которые не забывали каждый год отправлять к нему в гарем красавицу девку. За рыбным рядом начинался мясной, где краснолицые давальцы гоняли мух от свежатины, раскинутой на скоблёных прилавках. За мясным рядом шёл калашный, почище, уж туда со свиным рылом не лезь, зашибут! Парни шли и дивились на прорву жратвы, которую Новгород исправно поглощал каждый день.

Вдоль набережной вышли к Гостиному. Зажатые складами и лавками проходы больше не позволяли шагать по-человечьи. Надо было проталкиваться через плечи, где извиваясь ужом, а где самому давая пинка. Глаза разбегались от мельтешения непривычных чернявых лиц и красочных одеяний. Здесь говорили и спорили на всех языках. Здесь, на полпути из грек в варяги, встречались купцы и брали оптом. Солидные негоцианты свержали сделки на складе за чашкой кофе, мелкооптовые торгаши забирали прямо с прилавка, грузили на рабов, гнали дальше, добывая ассортимент. В адской сутолоке никто не обращал внимания друг на друга. Активно работали базарные воры, подрезая кривыми широкими ножиками мошны и сумки. Жизнь была ключом в центре России.

Щавель остановился под серым в оранжевую полоску тентом. Жёлудь и Михан протиснулись к нему, чуть погода выкарабкался из толпы лекарь. Здесь было тесно, но терпимо. В лавке продавали луки и стрелы.

Щавель провёл рукой у пояса. Деньги были на месте.

– Первым делом надо купить драконового волоса, – объяснил он парням. – Тетива из него не растягивается, а драконовый волос сам по себе прочнее стальной тонкой проволоки. Такая тетива, конечно, сильнее бьёт по рогам и рассаживает плечи, но зато стрела летит дальше.

Они протолкались к прилавку и пригляделись к разнообразию выставленного оружия. Хозяин лавки, пожилой грек с большим носом, старался увлечь покупателя не столько качеством, сколько изощрённостью товара.

– Ух, батя, а это чего? – тут же указал Жёлудь на диковинный лук длиной в руку, к рогам которого были навинчены железные кругляши. – Глянь-ка, раз, два... три тетивы!

– Это старинный лук, его сделали ещё до Большого Пиндеца, – улыбнулся Щавель, разглядывая облезлый антиквариат как предмет забавный, но бесполезный. – Называется «блочный» из-за вот этих колёсёв.

– Три стрелы разом может метать?

– Не, тут одна тетива. Она обкручена об эти железки. Тянуть надо за петлю напротив гнезда специальным крючком. Когда тянешь, колёсёя крутятся, видишь, они неровные. Поначалу идёт туго, потом происходит сброс и становится легко, хотя ты ажно до уха вытянул и держишь. Он очень медленный, блочный лук. Почти как арбалет. Без стрелы его спускать нельзя, тетива сразу рвётся.

– Зачем такой сделали? – изумился Жёлудь.

– В старые времена делали много странных вещей, – обронил Щавель.

– Ты стрелял из него?

– Стрелял. Неудобно, да медленно. Крючок надо всякий раз цеплять за петлю, да на усы нажимать. Я за это время семь стрел выпустить успею. А если крючок потеряешь, то из блочного лука стрелять уже никак.

– Дураки делали, – решил Михан.

– Чем интересуются опытные стрелки? – грек спровадил покупателя и переключился на новых.

– Есть ли у тебя катушка драконового волоса?

– Дакроновой нити... Нет, разобрали всю, – развёл руками грек. – Весь запас скупил оружейник светлейшего князя. Недели через три будет завоз из Швеции, вы уж заходите непременно. Чем ещё могу услужить разбирающимся людям?

– Покажи вон его, – кивнул Щавель на перегородку за спиной грека, на которой были выставлен товар.

Ушлый торговец безошибочно угадал и положил на прилавок тяжёлый прямой лук в пять локтей длиною. Лук был клееный, обмотанный жилами вперемежку с золотистой и красной нитью. Рога стояли из белой кости. Широкая полка была выточена под толстую тяжёлую стрелу, пробивающую кованую кирасу. Тетива не было натянута туго, чтобы не сажать плечи. Щавель сразу отметил качественное плетение и прихотливые усы с кисточками.

– Вот, Жёлудь, драконовый волос, – указал он.

– Царский это лук, – сказал грек. – С корабля стрелять. Воды не боится. Хороший это лук.

– Разреши? – спросил Щавель.

– Знающему человеку, конечно, можно.

В руке лук пришёлся Щавелю чуть ниже колена. Старый лучник осторожно потянул тетиву, отпустил. Потянул ещё несколько раз, разогревая дерево, попутно прислушиваясь, нет ли потрескивания, присматриваясь, как гнутся плечи. Лук казался надёжным.

– Пойдёшь с ним в лес? – спросил Щавель сына.

Жёлудь оторопел. Лук был великоват, но парень глаз отвести не мог.

– Царский это лук, – повторил грек.

– Пойду, – решил Жёлудь.

– Тогда тебе и нести, – улыбнулся Щавель.

Грек заломил такую цену, что парни обомлели, а Альберт Калужский засмеялся.

– Это всего лишь осадный лук, – холодно сказал Щавель. – Сто рублей ему красная цена.

– Это мореходный лук, – грек указал на обмотку, на заморский ясень, на драгоценную слоновую кость.

– Сто пятьдесят.

Грек закатил глаза и призвал всех богов спуститься с Олимпа и рассудить по правде.

– Двести.

В ответ полилась длинная, в подробностях, скорбная история капитана-земляка, вынужденного расстаться с таким красавцем, за триста шагов посылающим стрелу в обручальное кольцо. При этих словах Жёлудь не вытерпел и фыркнул так скабрезно, что грека охватила праведная ярость уловленного лжеца.

Начался торг. В глазах своих спутников Щавель выглядел сдержанным, а со стороны грека и вовсе непочтительно равнодушным, но Жёлудь мог бы сказать, что отец невиданно разошёлся. Наконец, ударили по рукам. Лук ушёл к новому хозяину за триста пятьдесят рублей. Грек по традиции дал в придачу к дорогой покупке стрелу с четырёхлепестковым наконечником шведской выделки. Она имела длину два с половиной локтя, а древко ядовито-красное, пропитанное драгоценным карнаубским воском, истинно морское. Оперение было тройное, иноземное, из пластмассовой твёрдой плёнки. Направляющее перо имело синий цвет, два других пера носили цвет красный, хорошо приметный на волнах. Концевики перьев оказались любовно заделаны синтетическим клеем. Оперение было длинным, чтобы стрела летела далеко и точно. Это была хорошая стрела, и таких у грека продавалось много, но денег на них не осталось. Щавель вспомнил, что хотел купить сапоги, и решил оснаститься завтра от княжеских щедрот. Кто посылает, тот и одевает. От светлейшего не убудет. Убирая покупку в новенький налuch, Щавель подумал, что сказка про бедного капитана, должно быть, не в первый раз опустошала кошель лесного простака. И не в последний. Денег хватило лишь на новые нарядные рубахи, дабы не выглядеть на княжеском пиру совершенными дикарями.

Сделав дело, задерживаться в стрёмном месте не стали. Завернули только в лавку колониальных товаров, позырили на изготовленные зэками кастеты, ножи с наборными ручками и выкидухи. Михан сбыл за недорого снятый с мытаря нож. На выручку купил себе красный платок, чтобы повязывать на голову, как греческий матрос.

– Верной дорогой идёшь, – скептически заметил Щавель.

– Какой?

– Разбойником станешь или наёмником.

Михан хотел возразить, но не нашёлся.

Альберт Калужский убрёл в аптеку и затеял высокоучёный разговор с фармацевтом, а воины возвратились на постоянный двор. «Грек выторгует, швед отберёт, – утешался Щавель невесёлыми пословицами. – Завтра у оружейника наберу два короба стрел для осадного лука и попробую выщипать катушку волоса. На складе котомки кожаные надо не забыть и одежду каждому по мерке. Сапоги... Пусть завсклада желчью изойдёт».

Жёлудь нёс покупку и всю дорогу лыбился как блаженный. Лук в самом деле был тяжёлый и слишком яркий для леса, но парня это нимало не смущало. В нумерах Жёлудь подтянул тетиву. Щавель проверил, примерился.

– Дело! – постановил он, вдев стрелу в гнездо. – Тетива драконова, новая, прослужит долго. Пять тысяч выстрелов минимум. Смазана... – Щавель понюхал тетиву, – искусственным воском, но в меру, не перетяжелили.

Выпрямился, натянул лук до уха.

– Килограммов сорок с лишком, хорошо со стен бить, – прикинул старый лучник. – Серьёзно. Как раз для тебя, сынок. Держи свою обнову!

– Спасибо, батя! – просиял Жёлудь. – Не подведу!

– Пристрелять бы тетиву, – сказал Щавель. – Ничего, успеешь в походе. В первые дни всё равно быстро не покатым. Завтра у нас будут сборы в дорогу, а сейчас, парни, приводим себя в порядок. Мы идём на княжеский пир!

Глава шестая,

в которой люди гуляют на княжеском пиру и лицезрят безумие бардов

Ватага опоздала к началу. Скопившимся у парадного крыльца нищebroдам уже вынесли подачку, однако до объедков, как заметил Щавель, было далеко.

На нижней ступеньке нагло расселся измождённый мужчина лет сорока пяти, с серебристым ёжиком волос, посреди которого топорщился крашенный соплями зеленоватый ирокез. Одет мужчина был в драный шведский свитер и растянутые на коленях портки. Он угрюмо глодал варёную рыбу, сплёвывая кости обратно в шлёнку.

Щавель остановился:

– Здравствуй, Лузга.

Мужчина зыркнул исподлобья, ощерился по-волчьи:

– Щавель? Тебя-то как, старого, занесло?

– Князь пригласил, – с достоинством ответил Щавель. – Ты почто рыбу какую-то жуёшь, словно зимогор на паперти?

– Да я хоть хрен жую, да на воле живу, – огрызнулся Лузга.

– Идём с нами.

– Я жетон свой вчера потерял, а может, пропил. Да чёрт с ним!

– Ерунда, уладим.

– Кто раба пустит?

– Не парься.

– Это уд в гузне парится, а я обедаю.

– Идём, – терпеливо повторил Щавель.

– Хы, – Лузга вытер руки о башку, отставил миску, к которой тут же метнулись нищebroды, и с ленцой поднялся. Двигался он развязно, как на разболтанных шарнирах, привычно ставя в известность окружающих о своей возможности в любую секунду положить на них огромный болт.

Вход по праздничному делу пас усиленный наряд. Щавель предъявил пригласительный жетон, кивнул на спутников:

– Эти трое со мной.

– Пропуск на одного, – процедил ражий детина в красном золотоголунном кафтане.

– Елду сосёшь, губой трясёшь? – немедленно залупился Лузга.

По невидимому сигналу подтянулась четвёрка дюжих молодцов внутреннего поста с дубинками на поясе.

– Шли бы вы подобру-поздорову, – дружинник пошёл на дармоедов, затеяв массой выдать их с крыльца, но натолкнулся на холодный и жёсткий взгляд Щавеля. Рука сама потянулась к дубинке.

– Не вздумай, – Щавель не сдвинулся с места. – Яйца оторву.

Неизвестно, чем закончилось бы, однако из кремлёвского нутра вынырнул Иоанн Прекрасногорский. Молодой чиновник был принаряжен, опрятен и трезв. Должно быть, мудрый князь приставил следить за входящим трафиком.

– Здравствуй, командир Щавель! – мгновенно сориентировался он. – Ты как раз вовремя.

Дружинники расступились, с испугом и недоверием глядя на невзрачного человека с глазами как ледяной меч. Командир – предводитель тысячи воинов, внушал уважение и страх. Всех новгородских командиров кремлёвская охрана знала в лицо, то были бояре и они давно сидели за княжеским столом. Неизвестный командир вызывал тревожные мысли. Кто ведает,

чего ждать от незнакомца? Захочет – убьёт, и ничего человеку за убой холопа не будет. Мог и муды оторвать, как обещал. Он если боярин, то стой да терпи, пока рвёт, иначе на кол.

Богатая череда переживаний отразилась на лицах дружинников. Головы поникли, а понты разбились вдребезги.

Иоанн Прекрасногорский вышел на крыльцо.

– Со мной трое, – предупредил Щавель. – Мой сын Жёлудь, Лузга и вот этот ухарь в красном колпаке, Михан.

– Не похож на матроса, – пошутил Иоанн.

– Станет, – обронил Щавель. – Попадёт на галеры... или на рею, ворон кормить.

– Проходите, гости дорогие, – рассмеялся Иоанн. – Рад видеть вас за большим столом. И тебя, уважаемый Лузга, тоже.

– Имал я вас в попу и, наверное, в жопу, – от чистого сердца признался Лузга. – Всю вашу гадскую систему и тупорылую канцелярию!

– Вынужден правилами внутреннего распорядка осведомиться, нет ли у вас при себе оружия?

– Лузга, у тебя есть оружие? – спросил Щавель.

– Нет, – серьёзно ответил Лузга.

– У нас нет оружия, – сказал за всех Щавель. – Веди спокойно, почтенный Иоанн. Кстати, не чрезмерно ли нас набралось?

– Ты, командир Щавель, волен привести кого угодно и сколько угодно, – известил Иоанн, сопровождая ватагу в трапезный зал. – В разумных, естественно, пределах.

– Да базар нанэ, порожняк ты гонишь, – Лузга шкандыбал, засунув руки в карманы. – Базар тебе нужен!

Гул, доносящийся из распахнутых дверей, превратился в оглушительный гомон, когда они вошли в зал.

– Тебе, – вежливо напомнил Иоанн, – среди людей места нет.

– Помню я, с вами хрен забудешь, – насупился Лузга. – Люди... такие козлы!

Запахи... Парни широко раздували ноздри, вертели головой, глаза их засверкали. Ароматы жаркого и печева обрушились на них со всех сторон, и с каждой стороны разные.

Середину трапезного зала занимал огромный общий стол, густо обсаженный людьми. К дальнему его краю примыкал серёдкой стол княжеский, высившийся на особом приступочке. Вдоль стен тянулись столы поплоче. Возле окон пировала мутная шлоебень и молодёжь, возле двери ютились барды, эльфийские евнухи, танцоры, акробаты и шуты, а также вольная, но полезная чернь. К ним сразу же направился Лузга.

– Дозволь проводить, командир Щавель, к ожидающему тебя месту по правую руку от светлейшего князя, – испросил разрешения Иоанн Прекрасногорский.

– А нам куда? – встрял Жёлудь, не бывавший, кроме отеческого дома, ни на одном пиру.

– Твой красный пролетарий уже нашёл свою ударницу труда? – осведомился Иоанн.

– Нет, он дурак, – ответил за сына Щавель. – И этот начинающий греческий пират тоже.

– Тогда вам место с парнями, у окна, – соответственно этикету направил молодцов Иоанн. – Здесь едят мужчины. Тебе, Михан, лучше снять колпак и вовсе не надевать его в городе.

– Размести их, – приказал Щавель и направился к своему столу, невольно зацепившись взглядом за сиявшую по левую руку от князя жемчужину.

Мужички на общаке зыркали на незнакомца в невзрачной одежде и с новой силой затевали разговор. Незнакомец меж тем прошептал во главу, поклонился князю, приложил руку к сердцу и воздал почести светлейшей княгине. А потом случилось неожиданное: князь Великого Новгорода радушным жестом предложил незнакомцу воссесть одесную, а княгиня под-

нялась, наполнила золотую чашу и поднесла дорогому гостю. Гвалт сам собою затих от такой небывальщины. Щавель встал.

– За твою вечную красоту, княгиня Улита, – вроде бы негромко, но так, что слышно стало во всех углах трапезной, произнёс Щавель. – Озаряющая своим светом великое княжество, сияй всегда для нас, светлейшая!

Он выпил до дна.

– Слава! Слава! Слава! – дружно и хрипло заорали за столами, гулко заклокотал алкоголь, разом вливаясь в сотню прожжённых спиртягой глоток.

Щавель ничуть не покривил душой. Сорок лет и семеро детей не сумели избыть красы светлейшей княгини. Яркой внешностью Улита приковывала взгляд. Хочешь не хочешь, а глаза сами возвращались к ней, и ничего тут поделать было нельзя. Редкая сука, с детства избалованная мужским вниманием, светлейшая княгиня сознавала свою красоту и умело ею пользовалась. Щавель издавна ведал её гадские качества, но противостоять чарам не мог, а потому исправно сторонился Улиты. Она была ащкая сотона и дочь погибели.

– Ты, как всегда, вовремя, дорогой друг, – заметил князь. – Мы как раз собирались поднять второй тост.

– Кто-то должен, – сказал Щавель.

Он разместился промеж виденного давеча боярина в медвежьих сапогах и рослого пузатого волгара с широким костистым лицом. Руки как лопаты и косая сажень в плечах выдавали в нём силу немереную.

– Знакомьтесь, други, с командиром Щавелем, – продолжил князь. – Знакомься, Щавель: воевода Хват, – указал он на боярина. – А это знатный работорговец Карп, он пойдёт с тобой начальником каравана.

Волгарь и Щавель переглянулись с интересом. «Нелегко придётся», – подумал Щавель. Пожали руки. Воевода Хват ручкаться погнушался, кивнул только да засопел в кубок.

– Сотник Литвин, – представил князь справного тридцатилетнего воина, сидевшего по левую руку от княгини. – Пойдёт с полусотней лучших моих дружинников до славного града Великого Муромы. Там губернатор выделит ещё сотню.

– Конных али пеших? – уточнил Щавель.

– Пеших. Откуда у него конные... – пренебрежительно обронил светлейший.

«Чтобы свою долю не упустить, которую мы соберём за их землями», – не сильно обрадовался сборному войску Щавель, но и не огорчился.хлопотный обратный путь каравана ложился на плечи знатного работорговца Карпа да сотника Литвина, которому предстояло разрешать вопросы единоначалия с муромцами. Заслуженному княжескому товарищу, избавленному от организационных хлопот, предстояло всего лишь сунуть голову в пасть Железной Орды.

Щавель ничего не говорил. Наблюдал. Думал. Взял столовый прибор светлого нержавеющей металла – вилку и нож с закруглённым тупым концом. То были изделия древней работы, о чём свидетельствовали буквы НЕРЖ на клинке. На всех столах были такие ножи, иных в присутствии князя не допускалось. Придвинул блюдо с финской салями. Освеживал колбасу, воткнул в нее вилку, порезал не ахти каким острым лезвием. Закусил. Посмотрел на общак. Примеченный давеча боярин Волокита подманил случившегося поблизости халдея, пробубнил ему в ухо приказ. Халдей умёлся к холопскому столу.

– Лузгу тоже со мной отправляешь? – как бы невзначай поинтересовался Щавель.

– С тобой, – легко разменял князь давнего приспешника. – Тебе ружейный мастер пригодится. Он к тому же края ордынские знает.

– Не страшится снова на промзону угодить?

– Страшится, да кому его забота интересна?

Князь словно усовестился и, призвав к себе виночерпия, отправил за Лузгой. Тот не замедлил явиться, держась возле стола, однако же на почтительном расстоянии, не оскверняя смрадным дыханием чистейших явств.

– Какая птица к нам залетела, – отметил светлейший.

– Чтоб я видел тебя на одной ноге, а ты меня одним глазом! – поприветствовал его Лузга.

Гости заржали. Даже Щавель против своей воли улыбнулся. По знаку светлейшего виночерпий бросил Лузге сочный кус, в который тот жадно вцепился. Тем временем от холопского стола отделились три барда, среди которых Щавель не без удивления приметил Филиппа. Они стали в ряд, дружно ударили по струнам и грянули песню про греческого матроса, приплывшего на Русь дурь показать. Грек не умел ничего и вечно попадал то впросак, то в тухлую яму. Даже спать на русской печи ему не удавалось.

В три глотки барды легко перекрывали трапезный гам, донося до самых дальних ушей истинную правду о заморских мореманах:

Эх, моряк, с печки бряк!
Растянулся, как червяк.
Головою на пороге,
А елдою на дороге.
Вся трава в инее,
И елда аж синяя!

– Что за раздоры такие у боярина Волокиты с купцом Попадакисом, что тот ловчит его достать при каждом удобном случае? – осведомился Щавель у неразговорчивого воеводы.

– Развёл, по своему обычаю, мерзость, – неохотно отозвался Хват. – Симпозиумы всякие. Ладно бы с рабами, а то заманивает новгородских парней, поганец. Вот Волокита и хочет его купчество в Новгороде Великом прикрыть.

«И его дело себе забрать, – догадался Щавель. – Однако симпозиумы – это явный перебор. Попадакис, видать, крупный делец, если позволяет такое на чужбине, а Волоките победа не светит, раз их обоих князь на пир пригласил. Светлейший мудр, как всегда. Разделяет, дабы самому властвовать безраздельно».

Он по возможности старался вникать в местные расклады. Город предстояло вскорости покинуть, но знание подоплёки деловой жизни никогда не бывает лишним.

– Двинь к нам Бояна, – распорядился князь.

Когда к первому столу подвели дряхлого барда с трухлявыми гусями, светлейший давал косяка на Щавеля и обратился к Бояну:

– Поведай нам, достойный, о хане Беркеме и его басурманском княжестве.

– Хан Беркем огромный как гора, – старец тронул шёлковые струны, гусли отозвались мягким негромким звоном. – Голова его как пивной котёл. Бежит, земля дрожит, упадёт, три дня лежит. Когда говорит, изо рта дым валит, а храпит, аж гром гремит.

«Как с таким справиться? – закручинился Щавель, слушая старый боян старого Бояна. – Действительна ведь народная молва! Народ, он врать не будет. Надо самому на хана посмотреть, пробраться в ставку и глянуть. Хоть краем глаза».

Медовуха незаметно оплела его мозг ядовитой лозой, источающей в кровь сладкий дурман затмения разума. Старец вещал о непобедимом царстве тьмы, огня и железа, утопающем в зловонном тумане, который можно почуять издали. Захотелось накатить ещё. Щавель совершил неожиданный для самого себя поступок – воздел длань и громко щёлкнул пальцами.

– И то верно! – одобрил воевода.

Виночерпий засутился, сохраняя видимость напыщенности. Князя окружила заботой самолично супруга.

– Отведай, милый, – проворковала Улита, – елду на меду.

Княгиня налила в княжеский кубок духмяной медовухи, вывалила в глубокую миску притаившуюся на дне кувшина елду, любовно глянула на князя. Светлейший расправил плечи, поднял кубок.

– За нас с вами! – зычно отвесил он.

– За нас с вами! За нас с вами! – подхватили за общим столом, и понеслось по залу до самого дальнего конца, привычно меняясь в дороге: – И чёрт с ними! И чёрт с ними!

Радужные новгородцы и гости выпили.

Князь навернул смачной елды. Ему сразу захорошело.

– Пей, Лузга, – приказал он. – Последний день в Великом Новгороде. Послезавтра в Орду идёшь. Напейся вдрызг!

– А то, светлейший князь! Мы по обычаю жрём: как мёд, так ложкой, как добро, так половником. Дозволь отпить из твоего кубка?

– Вот уж хрен тебе, – рассмеялся князь. – Из крухана помойного тяпнешь.

– Я тяпну, – согласился Лузга, – что я, не русский человек? Всю жизнь так пьём, привыкли.

Он подставил свою запомоенную кружку виночерпию, который с видом величайшего недовольства наполнил её медовухой.

«Третий тост – не чокаясь», – машинально подумал Щавель, но прикинул, что гости активно пили между тостами, и не стал заморачиваться.

Третью, впрочем, опрокинули молча и, не сговариваясь, все разом. Медовуха шла гладко, была сильно.

– Устроим состязание бардов, – заявил светлейший.

– Рано ты сегодня, – заметила Улита, но князь не слушал:

– Желаю, чтобы все!..

– Ты пей, да Бога разумей! – напомнил Лузга.

– Какого из...? – усмехнулся Щавель.

– Какая те разница, поганый язычник? Тебе что солнце, что колесо, лишь бы круглое.

Княжеская воля явила себя пред честным народом в лице статного дружинника посреде зала.

– Неср-равне-е-енная Агузар! – зычно протянул он.

На его место выскочила гибкая смуглянка с узкими хитрыми глазищами. Повела гузкой, топнула ножкой, зазвенели монисты. Ей подали гитару.

Солнце светит ярко над моею головой.
У моего мужчины встал передо мной.
Откройте двери, эльфы, подползите ко мне.
Вы всё равно, как черви, копошитесь в гнилье.

Нас встреча окрылит.
И вновь, и вновь, и вновь.
Вы будете питать:
«Что за сука любовь?»
Мужчины в моей жизни!

Мужчины в моей жизни...
Зал притих. Мужчины оторопело слушали.

«Экое чудо! – оценил Щавель. – Ни фига не понять, а все замерли будто примороженные. Светлейший, как всегда, умеет удивить, знатно подготовился. Теперь его победить будет трудно. С бабой кому тягаться...»

– Пляшет и поёт. Во даёт, колба малафейная! – восхитился Лузга.

Танцовщице похлопали. Выпили. Настал черёд гостей. Минуту выжидали, кто первый ответит на вызов князя. Своих бардов привели немногие. Над общим столом выросла пшеничная копна. Двухметровый швед протянул руку к холопскому столу, указал на кого-то, звонко щёлкнул пальцами.

– Ларс!

Вызванный бард оказался упитанным мужичком в зелёной шляпе с пером. Он сноровисто повесил на грудь лютню, забренчал воровато и предательски:

Вот ныне взбирается Вещий Олег
На дикий Кавказ, где укрылся абрек.
Но грозного града руины страшны,
Не ждут там Олега, мы там не нужны.

Ударил, что было дури, по струнам и заблажил истошно:

Тили-тили, трали-вали,
Мы кровищу проливали!
Тарам-пам-пам...

Ларса проводили аплодисментами, но было заметно, что несравненная Агузар осталась несравненной. Припомнив её песнопения, эльфийский купец подал знак своему барду. Из-за холопского стола поднялся тощий весёлый эльф с греческой кифарой. Его заскорузлые уши украшал длинный венчик светлых волос.

Дружинник, объявляющий претендентов, пошептался с ним, вышел на середину зала.

– Движущийся навстречу судьбе менестрель Йа... Иэ... э... Эльтерриэль, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра! – с трудом закончил детина.

– Надо выпить! – сказал князь.

Эльф тронул струны:

Бывает так, бывает,
Никто ты и ничто.
О чём напоминает
Тебе последний чёрт.
А ты и не скучаешь
И вдаль себе идёшь,
Не ведая дороги,
Не слушая нудёж...

Затяжная баллада эльфа позволила слушателям не торопясь опустошить пару кубков, когда, наконец, переливчатая мелодия стала подводить к завершению:

Когда сойдутся звёзды,
Мы встанем в тот же час.
Молитвою все встретят
Пиндец, постигший нас!

Глаза Эльтерриэля закатились, пугая фиолетовыми белками, пасть изрыгнула:

– Ph'nglui mglw'nafh Cthulhu R'lyeh wgah'nagl fhtagn!!!

По спине Щавеля пробежал холодок. Хмель как ветром сдуло.

– Затмение эльфов! – крикнул он, вскакивая и загоразивая князя. – Всем творить крестное знамение!

Гости повскакали из-за общака. Кого-то толкнули, нездешним голубоватым светом блеснул нож.

– Стража! – проревел воевода. – Мочи! – И ринулся разнимать.

В трапезную ринулась охрана с заготовленными вёдрами. Сверкнула вода. Свалка рассыпалась, оставив недвижно повалившееся на блюда тело. Кому-то крутили руки. Пара дюжих дружинников увлакивала прочь обезумевшего барда, а он корчился и голосил:

– Wgah'nagl fhtagn! Wgah'nagl fhtagn!

Улита сидела, заткнув уши, дабы не оскверняться эльфийской мерзостью. Благость, исходящая от эльфов, была сравнима с податью Отца Небесного, но также и пакость их превосходила человеческую безмерно.

– Вот, – воевода вернулся, бросил на стол окровавленный скин-ду. – Купец дунайский Штефан. Пронёс под мышкой, дурило.

– Кого зарезал? – спросил князь.

– Доктора Пантелея, – сообщил воевода и почему-то виновато посмотрел на караванщика: – Лепилу твоего.

Глава седьмая,

в которой караван собирается в поход, а Щавель использует ситуацию в своих интересах

– Батя, зачем он так? Эльфы же хорошие!

Жёлудь был пьян и чуть не плакал.

– Эльфы разные, сынок, как люди, только сильнее. – Щавель вёл парней к постоянному двору не самой короткой дорогой, чтобы выветрился хмель и остатки морока. – Кто знает, какие козни они плетут... В большом городе всё иначе. Тут свои расклады, другие законы, иные боги. Может быть, он хотел накормить своего Хранителя чувствами толпы благородных людей.

– Ктулху фтагн! – ухмыльнулся Михан. – Мне понравилось.

– Кто бы сомневался, – обронил Щавель. – Только когда ты кормишь своего Хранителя, нещадно коверкая речь, это остаётся между вами, а когда эльф, да ещё бард, оглашает символ веры на чистом Изначальном языке, только сильные могут не подпасть под затмение разума. Такое делать нельзя. Если бы не заготовленная вода, гости впали бы в ярость берсерка.

– Я видел кровь, – признался Михан. – Разом всё сделалось красным, захотелось плясать, убивать и... Воистину фтагн!

– Что с эльфами будет? – спросил Жёлудь.

– Проведут дознание. Купца, скорее всего, отпустят, – рассудил Щавель. – Движущегося навстречу судьбе менестреля Эльтерриэля, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, мы навряд ли когда увидим.

– Движущегося навстречу судьбе менестреля Эльтерриэля, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, убьют? – голос Жёлудя дрогнул.

– Движущийся навстречу судьбе менестрель Эльтерриэль, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, прилюдно творил злые козни. Ты знаешь, как подобает поступать со злокозненным колдуном.

– Может быть, эльфы заплатят выкуп и увезут движущегося навстречу судьбе менестреля Эльтерриэля, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, далеко-далеко, в Серебристые гавани?

– Вряд ли, – уронил Щавель хладный камень безнадёги. – Движущийся навстречу судьбе менестрель Эльтерриэль, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, творил смертоносное колдунство пред лицом светлейшего князя, светлейшей княгини, пред всеми боярами и собранием достойнейших людей Великого Новгорода. За такое подобает наказывать смертью. Продать злокозненного колдуна значит согласиться получать оскорбление за деньги. Никто из благородных не отважится на такое. Лишиться чести мало чем лучше смерти. Как потом жить среди людей? Обесчещенный будет словно Лузга, которого ты сегодня видел. Червь, которому дозволено подъедать за нормальными людьми.

– Ты его давно знаешь, дядя Щавель? – осторожно поинтересовался Михан и на всякий случай уточнил: – Обесчещенного Лузгу.

Они долго шагали в молчании по малолюдным улочкам, опустевшим к позднему вечеру. Парни уже не здоровались с каждым встречным, обвыклись, да и приветливость как-то смыло кровавым цунами эльфийского колдовства.

Щавель подумал, что удобнее случая ознакомить парней с историей Лузги не представится. Пока они пьяные, запомнят не всё, а быть в курсе дела полезно. С этим спутником придётся топать до самой Орды и обратно. Уместнее ведать, чем не ведать.

– Я знаю Лузгу около двадцати лет, – сказал Щавель. – Я тогда служил в войске светлейшего князя и водил свою тысячу против Орды. В ту пору был ещё хан Ирек, который посылал конных автоматчиков на запад, север и юг. Тогда они чуть не взяли Нижний Новгород и стояли под стенами рыбинской цитадели. Басурман мы прогнали, но светлейший князь явил величие мудрости и наводнил Орду своими лазутчиками. То были самые разные люди. Лузга был сподручным светлейшего князя. Не товарищем, как я, но близким человеком, сидевшим по левую руку. Лузга устроился в самом Белорецке. Он переслал оттуда много сведений, пока псы хана Керима не устроили облаву. Они что-то пронюхали. Лузга ликвидировал своих связников, чтобы его не выдали под пытками, был арестован и осуждён за убийство. Он отсидел восемь лет среди уголовников в Белорецке. Работал в железных цехах Орды. Своими руками делал огненное оружие и с тех пор разбирается в нём, но столько лет в заточении... Не прошло даром. Лузга свихнулся.

– Можно было выкупить, – сказал Жёлудь.

– Нет. Предложить выкуп – значит признать, что Лузга наш лазутчик, иначе зачем за него торговаться? А с лазутчика семь шкур спустили бы, выяснили всю подноготную и предали жуткой смерти. Мы не могли его выкупить даже как дальние родственники. Лузга убежал, когда выдался случай. Он добрался до Великого Новгорода, но это был уже не тот человек. Он стал рабом. Сам себя им считает и не желает ничего иного. Князь держит его при себе из милости. Лузга блюдёт в порядке ствола на оружейном складе, но он... лишний человек. Кто знает, что с ним сотворили в местах лишения свободы? Надёжных доказательств нет, но есть подозрения, так что будьте с Лузгой настороже, парни. Из одного котла не ешьте, из одной кружки не пейте. Впрочем, он сам всё это понимает и знает своё место.

– Лузга с нами пойдёт? – изумился Михан.

– С нами. Ему известен путь до самого сердца Орды.

Утром Щавель повёл ватагу в кремль и увлёк за собою доктора. Почтенный Альберт Калужский не имел чётких планов на будущее, а повадки странствующего лекаря заставляли держать нос по ветру.

К удивлению Щавеля, его пропустили к светлейшему, не отобрав ножа. Цербер в тамбуре настоял на том.

– Эльфа пытали всю ночь, – под глазами князя залегли тени, но привычка подолгу не спать брала своё, он выглядел бодрым. – Подвешивали его за яйца, ковыряли в заднем проходе калёной кочергой и даже обрили уши, а он, зараза, молчал.

– С кочергой совершенно напрасно, – заметил Щавель. – Эльфу только в кайф. Заговорил в итоге?

– Только когда мы не давали ему читать, – похвастался князь. – Иоанн молод, а сметлив!

– Начитан, – поправил Щавель. – Как объяснил движущийся навстречу судьбе менестрель Эльтерриэль, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра, своё странное поведение на пиру?

– Сказал, что хотел как лучше. Дескать, желал произвести сильное впечатление на почтеннейшую публику и завоевать победу своему хозяину.

– Заказчику, – уточнил Щавель. – У эльфов нет хозяев. Что ж, произвёл. Сильнее всех впечатлился Штефан. С убийцей лепилы что будешь делать? На тяжёлые работы?

– К чему с албанским сатрапом ссориться? Пока в темнице сидит. Заплатит компенсацию в казну за нарушение порядка да пусть в Новгороде не показывается. Дело помощнику передаст. Зачем бизнес губить?

– Ты мудр, светлейший, – признал Щавель. – Как поступишь с движущимся навстречу судьбе менестрелем Эльтерриэлем, чья музыка подобна отзвукам серебряного ветра?

– Палач отрубил ему голову. Я судил прямо в темнице. Учитывая непреднамеренность причинения тяжкого вреда, я позволил приговорённому встретить восход солнца.

– Как поступишь с заказчиком, идущим в ногу со временем купцом Галантериэлем, отмеряющим полную меру? – бесстрастно спросил Щавель.

– Купец Галашка будет изгнан из Новгорода до наступления темноты и лишён права торговать в пределах княжества на год... – Лучезавр запнулся. – Ты его знаешь?

– Он родственник моей супруги, – обронил Щавель. – Но это не имеет значения.

– Вот как, – молвил князь. – Ближе к делу тогда, а то мне сейчас с караванщиком тереть. У тебя нож какой?

– Булатный.

– С собой?

Щавель отогнул полу безрукавки.

– Воткни его к вуду-пиплу, буду знать, что с тобой случилось в далёких землях, если заржавеет, – велел князь и направился к шкафу с расходными реликвиями. – Вчера дары не раздал из-за этого проклятого барда!

– Менестреля, – Щавель отошёл в козырный угол и глубоко всадил свой заслуженный нож в дубовую панель. Африканская маска, тёмная, блестящая от наслоений засохших приносов, поглядывала на него пустыми глазницами из-под тяжёлых деревянных век.

– Вот, держи.

Князь протянул товарищу старинный нож в новеньких кожаных ножнах. Рукоять пожелтевшего рога завершалась скошенным вниз навершием из полированной стали. Длинный нижний конец гарды был отогнут под указательный палец, короткий верхний оканчивался завитком.

– Достану? – спросил Щавель, принимая подарок.

– Конечно! – сказал князь.

Щавель вытянул нож. Клинок был не попорчен временем и владельцами. Длиною в полторы ладони, он имел долу возле обуха и короткую пятку.

– Работа мастера Хольмберга из Экильстуны, – разглядев клеймо, Щавель обрадовался как ребёнок.

– Легендарная шведская сталь, – подтвердил Лучезавр. – Не ржавеет, не тупится, если меру знать. Не ломается от пустяковых нагрузок.

Щавель распустил мошну, выудил монетку, протянул князю.

– Суеверный ты. – Князь принял символический выкуп. – Носи на здоровье!

– Лучше перебдеть, чем недобдеть, – заметил Щавель. – Кстати, по поводу убитого доктора в караван. При мне есть целитель по прозвищу Альберт Калужский, он лечит солями и по разговорам лепила сведущий. Хочу взять его с собой.

– Альберт Калужский? – удивился князь. – Коли он пойдёт, бери с собой непременно. Долю посули прежнюю, начальник каравана знает. Сейчас явится Карп, поставлю его в известность. Да он, наверное, уже заждался в приёмной. Иди в канцелярию, получишь карту и требования на склад и в арсенал, если имеешь нужду в оружии.

– Имею, – сказал Щавель.

В приёмной и в самом деле восседал знатный работорговец, выпитив косой могучий живот. Они сдержанно поздоровались, и Щавель подумал, что стычка за власть в походе неминуема.

В канцелярии Щавель решительно нырнул в конторское болото. Клерк изучил предъявленную грамоту, сверился с учётным журналом и составил требования в секретную часть, на вещевой склад, в арсенал, а также выписал разовый пропуск на трёх сопровождающих лиц. Секретная часть располагалась за стенкой. Клерк-секретчик, проверив грамоту и требование с ещё не просохшими чернилами, выдал под расписку пергаментный свиток. Щавель развернул карту западных владений Орды и приграничных земель, подивился тонкому рисунку. Раб-картограф постарался на славу, начертив столько мелких деталей, что карту можно было читать

долго и с упоением, как хорошую книгу. Об особой её значимости свидетельствовали семь дырочек в нижнем правом углу. Сквозь дырочки хитроумным зигзагом был продёрнут шнурок, что говорило посвящённым о высокой должности владельца карты. Шнур был искусного плетения и пёстрой боярской расцветки. Он был завязан узлом доверия и скреплён висячей свинцовой печатью с номером учётчика. Вверху карты рукой князя было начертано: «Выдано Щавелю в служебное пользование под его личную ответственность».

Щавель оценил чёткую работу сложного бюрократического механизма. Убрал карту за пазуху в особый карман и вышел из кремля к ожидающим его спутникам.

– Ты нанят, – сообщил он доктору. – Поступаешь в моё распоряжение. По возвращении из похода получишь долю врача. Служи исправно и будешь вознаграждён достойно.

– А мы? – У Михана спёрло в зубу. – Мы как?

– Сомневаешься в чём-то?

– Есть децел, – признался молодец. – Вдруг князь отказал.

– Был о тебе разговор. Этого дурака в красном платке с собой не берите, наставлял меня светлейший, ибо дурь показать он горазд. Возможно, по молодости лет. Подождём, говорит князь, годков десять, посмотрим, если не поумнеет, то никогда в войско не возьмём.

Зрочки Михана расширились.

– Еле уболтал светлейшего князя включить тебя в отряд. Пока на нижних основаниях: убирать, готовить, ночную стражу нести.

– Спасибо, дядя Щавель, – пролепетал молодец. – Век помнить буду.

– Я запомню, – сказал Щавель.

– Не могу я домой вернуться ни с чем, пустобрёх, скажут...

– Хорош ныть, – оборвал Щавель, уже недовольный своей шуткой. – Ты на службе. Теперь пошли на склад. От щедрот светлейшего князя Великого Новгорода нам положена одежда и оружие.

На вещевом складе их встретил заносчивый ключник с бородою лопатой.

– Одень нас по-походному, – Щавель бросил на стол требование, не удостоив завсклада приветствием.

– Одевай тут всяких... – Ключник смерил взглядом просителей с головы до ног, как помоями облил.

– Не блатуй, Никишка, – негромко сказал Щавель.

В глазах завсклада вспыхнуло удивление, он всмотрелся и сбледнул с лица.

– Прости, боярин, не признал, – ключник склонил голову, согнуться в поклоне мешало пузо, – не гневайся...

– Делай дело, – приказал Щавель.

Прогнав из кладовой досужего раба, дабы не позориться, ключник самолично придел командира и его людей, выдал каждому по добротной вместительной котомке из кордуры. Прочная синтетическая ткань была легче кожи, так же крепка, но боялась огня. Впечатлённый давешним торгом, Щавель брал с запасом. В Орду переться – все ноги стопчешь. Потому, углядев сундук с греческими берцами, зацепил себе и молодцам по паре. Заморская обувь, хоть и тяжёлая, сносу не имела, в отличие от кожаных подмётков сапог домашней выделки.

– Дозволь спросить, лесной человек, – пропыхтел доктор, когда гружённая скарбом ватага покинула склад. – Откуда ты знаешь почтенного ключника Никифора?

– С невольничьего рынка, – ответил Щавель. – Я купил Никишку для хозяйственных нужд: полы мыть, посуду. Когда отъезжал селиться в Тихвин, дал ему вольную и при войске пристроил, а он, смотри-ка, выслужился как. Важный стал, стервец.

– Дух с него ядрёный пошёл, – ухмыльнулся Жёлудь.

– Помнит, знать, – отметил Щавель. – А вообще, парни, никогда не давайте воли рабам, чтобы не пришлось жалеть.

– Вот эльфы покупают с торго рабов, особливо семьями, и сразу отпускают. Да и ты выпи-
сывал вольную, батя.

– То забота эльфов. У них свои понятия и свой ответ. А у меня в ту пору не было мудрого
наставления, какое имеется у вас. Знал бы, не отпускал. Потому что рабская суть есть пресмы-
кание перед сильным и попрание слабых, а также злобная зависть и ненависть к своему хозя-
ину, пускай и хорошему. И вообще ко всем, кто выше стоит. Раба из себя не выдавишь, даже
по капле, хоть каждый день тужься. Не бывало таких рабов, что становились бы милостивыми
господами. Если кость стала чёрной, её ничем не отмоешь.

Они шли мимо служебного хода, когда во двор вывалил Карп. Щавель немедленно раз-
вернул к нему ватагу.

– Познакомься со своим новым лекарем, знатным лепилой Альбертом Калужским, све-
дущим в солях, – представил доктора Щавель. – Знакомься и ты, Альберт, с начальником кара-
вана Карпом.

– Очень приятно, – ладошка целителя утонула в лапе работоторговца.

– Долю в рабах от общего дела получишь драгоценными металлами, – поставил условие
начальник каравана. – Остальное, что утащишь, твоё.

– Своих рабов я хотел бы получить живыми, – упёрся лекарь.

– Чтобы погубить их? – недобро зыркнул караванщик. – Новгороду рабочих рук не хва-
тает, а ты взялся опыты над людьми ставить! Получишь за рабов по розничной цене.

– Это мой сын Жёлудь, стрелок, а это Михан, вольный боец. Они пойдут со мной в голов-
ном дозоре, – пресёк раздор Щавель.

– По-за Клязьмой ещё лучников тебе добавлю, – громко окая, известил Карп и утопал
на конюшню.

– Характер показывает, – пробормотал Альберт Калужский.

– Обломаем, – сказал Щавель. – Ты в моём подчинении – и помни это.

– Я понимаю, – закивал доктор. – Но с рабами как быть?

– Тебе действительно живые рабы нужнее серебра и золота? – поинтересовался Щавель
и, получив утвердительный ответ, спросил: – Вздумал хозяйством обзавестись или, в самом
деле, для опытов?

– Ну-у... надо проверить некую перспективную теорию, – замялся доктор. – Не крепив
горькой солью практики высокомудрые гипотезы древних, не добьёшься величия.

– Чую, твои гипотезы хуже симпозиумов, но ты однозначно прославишься, – предрёк
Щавель. – Останешься в памяти потомков великим целителем или тебя сожгут за погань кол-
довскую.

Альберт захихикал.

– Иди в канцелярию, – распорядился Щавель, – жди свою грамоту. Оформишь порт-
рет, получишь требование на медицинский склад. Бери запас на семьдесят рыл до Великого
Мурома. Туда пройдем без боёв, но учитывай стёртые ноги и дрисню, впрочем, не тебя учить.
Тащи на конюшню, найдёшь, где формируют обоз, и грузись, а мы подойдем.

В арсенал пустили одного Щавеля, да и то придиричливо сверив грамоту с личиной предъ-
явителя. Сидевший за столом стражник в мятой синей форме был немолод и своё дело знал
крепко.

– Где найти Лузгу? – спросил Щавель.

– Боярин имеет нужду в огнестреле? – заинтересовался страж.

«Не боится узнавать. Случись что, напишет в отчёте о постороннем, сующем нос не в
своё дело», – оценил Щавель качество поставленной службы и пояснил:

– Я по личному делу.

– Придётся обождать здесь, его сейчас вызовут, – вежливо, но непреклонно ответил
стражник, зацепил проходившего мимо работника и усладал за поручением.

О проходе Щавеля вглубь арсенала, пусть даже в бронную, речи более не шло. Стражник задержал любопытствующего посетителя, невзирая на его звание.

Торчать под его пристальным взглядом пришлось недолго. Лузга объявился споро. Был он одет в синий комбинезон, собран и деловит.

– Пропусти со мной, – попросил он.

Стражник умакнул перо в чернильницу, вывел запись в гроссбухе, придвинул Лузге. Лузга накарябал пояснение. Страж набросал на бланке данные из грамоты, протянул разовый пропуск Щавелю.

– Идём, – Лузга потянул толстую, ладно пригнанную дверь, обитую железными полосами.

Они окунулись в атмосферу неслышной снаружи складской работы: по коридору сновали умельцы, из помещений доносился стук, бряканье, клацанье. Тревожаще и вкусно пахло начищенной сталью и оружейным маслом, доносило похабную вонь керосина.

– Строго у вас тут, – одобрил Щавель.

– Наш солнечноликий сам не свой до огнестрельного оружия, – съязвил Лузга. – Спит и видит захват кремля вооружёнными соратниками. Да ты сам знаешь, как оно бывает. Собрались молодцы на Софийской стороне, подвезли телегу стволов, построились и вперёд, прокладывать в царство свободы дорогу.

– Ты об сём только со мной треплешься или со всеми подряд? – спросил Щавель.

– Одичал ты в своей деревне, – зыкнул на него Лузга. – Здесь столица, и речи здесь столичные, окстись!

– Что, неужели светлейшему не доносят?

– Наушничают, козлы, – не стал отрицать Лузга.

– Смотри. Познакомишься с чёрными врачами.

Лузга гмыкнул и торопливо пригладил с боков ирокез.

– Щас тебе ружейку покажу, – увлёк он Щавеля в проём.

В большой комнате за длинным столом копошились бабы в комбинезонах и косынках, сноровисто протирая ветошью детали. Ближайшая к вошедшим некрасивая грудастая девка закончила собирать облезлый добела АК-74. Нажала на спусковой крючок, кинула вверх флажок предохранителя, отложила почищенный калаш в сторону.

– Бабы? – не поверил глазам Щавель.

– Как в Орде! – похвастался Лузга. – Они усерднее мужиков на тупой работе. Стволы начищают на совесть. В каждую щель залезут, никакой тебе халтуры. Молодец, Наталья! – похлопал он по задку некрасивую девку и деловито увлёк спутника в дальний край комнаты, где помещался зарешеченный проход.

– Неплохо устроился, гарем по месту работы организовал, – отдал должное Щавель. – Сам придумал?

– Ну, а кому ещё дотукомкать? – оскалился Лузга. – Чай, в Белорезке никто больше не обучался.

– Чего ж тогда плачешь, раз наука из Орды на пользу пошла?

– Я давно не плачу, я радуюсь, – Лузга оскалил зубы ещё пуще, сдвинул губы, посуровел.

Он стукнул кулаком в решётку:

– Отпирай, Степан!

Пожилой усатый страж выполз из полутьмы. На боку у него Щавель с изумлением узрел оттопыренную кожуру. Впервые за много лет он видел вооружённого короткостволом человека.

Внутренний стражник оказался не в пример покладистее наружного. Должно быть, справедливо полагал, что, если через внешний пост пропустили, значит лицо доверенное. Он вставил ключ в замок, провернул дважды, распахнул решётку. Гладкое движение хорошо смазанных металлических частей ласкало слух.

Лузга ступил за порог, потянулся направо к полкам. Достал фонарь с клеймом в виде мифической птицы Гру, хранительницы тайн, запалил фитиль, задвинул стекло.

– Пошли, чего покажу, – позвал он.

В помещении не было окон. «От пожара заложили, – сообразил Щавель. – Чтобы тяги не было». Лузга подвёл его к пирамиде, повесил фонарь на крюк, достал калаш:

– Зацени.

– Что в нём такого диковинного? – судя по нетронутому воронению, калаш был изготовлен недавно, либо им не пользовались. – Добыли под стенами кремля или доискались допиндецового схрона?

– Отобрали у басурман под Казанью, там Орда часто шарится. Казанские нам прислали пяток и себе оставили. Диковинного в нём то, что он сделан не позднее трёх-четырёх лет назад. Но главное, что он заточен под натовский патрон пять-пятьдесят шесть на нитропорохе.

– Что за зверь?

– Он длиннее нашего патрона пять-сорок пять, заряд поболее... У нас чёрный порох, у них синтетический, оттого на стволы идёт сталь другая. Да что тебе объяснять, валенок чухонский! Этот патрон шведы используют. Он в наш калаш не пролезет, а вот этот натовские патроны хавают. Непростые это патроны. Порох в них серьёзный, дыма почти не даёт, зато силы в нём немерено, пуля летит быстрее, по отлогой траектории, оттого дальше. Такие калаши делали на Руси до Большого Пиндеца, но этот свежий.

– Как определил?

– На клейма смотри, – Лузга поднёс оружие к лампе. – Видишь, полумесяц рядом с номером? Это печать Орды, сам такие ставил. У старых калашей имеется клеймо в виде треугольника со стрелкой, здесь этого нет. Ну и номер. Очень далеко ушёл от тех, что при мне набиwali. Верняк, при хане Беркеме калаш изготовили.

– Под шведский патрон, значит... – пробормотал Щавель. – Что говорит светлейший?

– Что нужно Щавеля в Орду послать. Пусть с производством ознакомится, – ухмыльнулся Лузга. – На промке Белорецкого комбината.

Щавель перевёл взгляд со зловещих клейм на глумящегося Лузгу. Лузга сник.

– Да чё ты бычишь? Зачехли рога... Князь тебя за этим в Орду посылает. Разведать вопрос варягов в Белорецке. Он тебе сам не говорил?

– Говорил, – обронил Щавель. – В связи с этим пойдем, поможешь оснаститься стрелковым припасом. Волос драконовый, стрелы осадные, наконечники запасные и далее по списку. В Орду идём. Путь не близкий.

Глава восьмая,

в которой свершается первый шаг большого пути

Утро выдалось ветреное. На площади перед кремлём собирался караван. Привели лошадей, запрягли попарно в гружённые с вечера телеги. Верёвки, ошейники, походный горн, кузнечный инструмент и всяческий скарб занимали три воза, которыми управляли шестеро подручных знатного работоторговца. Полусотня копейщиков, а с ними Щавель, Жёлудь и Михан седлали коней. Целитель Альберт отошёл в обоз, где хранился его медицинский припас. Там же, возле телег, крутился паскудный бард Филипп, взятый караванщиком увеселения ради. Сам Карп взнуздывал здорового тяжеловоза с пышной огненной гривой и огромными мохнатыми копытами. Конь рычал, по привычке пробовал цапнуть хозяина и успел получить кулаком по морде, такой сложился меж ними ритуал.

Когда на крыльце показался князь, конь радостно заржал, стукнул копытищем, задрал хвост и навалил дымящуюся кучу.

– У, скотина! – промычал Карп.

Щавель выбрал себе сивую кобылу смиренного нрава. Гарцевать он не собирался, в бой намеревался идти пешим, а ехать желал без хлопот. Жёлудю достался мерин, о котором, кроме того что он гнедой, сказать было нечего. Михану подогнали норовистого жеребчика разбойничьей породы. Малорослый, он имел травяной момон до земли, по слухам, охотно пил пиво и жрал сырое мясо. Михан скормил ему солёную горбушку и сразу завоевал конское расположение.

К крыльцу подвели белую кобылицу с прозрачными красными глазами. Светлейший прыгнул в седло, не коснувшись ногами земли.

– Строиться, ёпта! Выходи строиться! – гаркнул Карп.

Затопали каблуки и копыта. Всё заскрипело, задвигалось, словно допиндецовая игрушка, в которую вставили энерджайзер.

– Ста-а-новись, – негромко скомандовал сотник Литвин.

Полусотня конвоя быстро разобралась в одну шеренгу, держа коней под узцы. Литвин оказался на правом фланге, в центре Щавель с парнями, на левом фланге – обоз.

Знатный работоторговец Карп взгромоздился в седло, встал перед строем. Кобылица, косясь на построение вампирическим глазом, поднесла к нему седока.

– Светлейший князь, ловчий отряд к походу готов! – отрапортовал Карп.

Зелёная куча навоза пахла поодаль, ветер сдувал с неё мух. Зоркий Жёлудь углядел в яблоках жёлтоватые вкрапления овса.

«Зерном кормит посреде лета!» – подивился он зажиточности новгородских людей.

Князь приосанился в седле, раздвинул плечи, обвёл строй орлиным взором:

– Здорово, братва!

– Здррррам жрам свешш княсь!!! – рявкнула полусотня.

«Во натаскал дружину! – подивился Щавель. – В бою они так же хороши?»

На лицо князя с налёту села навозная муха, передав от коня поцелуй. Мелькнул язык. Муха исчезла.

– Смотрю и вижу опору земли новгородской! – зычно сказал князь. – Дорога долгая, ехать придётся быстро. Ловите быдло в полон без опаски, в низовых землях людей нет. Хватайте чаще, берите больше. Семь раз об дверь, один раз об рельс! Кто не выдюжит обратного пути – лох! Нас – рать! В славный путь!

– Урр-ррааааа!!! – выдохнула полусотня глоток.

Михан тоже заорал «Ура!», не слышный за кличем воинов. К нему присоединился Жёлудь. Как сговорившись, ударил ветер, на маковках кремля громко захлопали флаги.

«Молодчина светлейший, – заметил Щавель. – Умеет завести стихию».

Князь, довольный собой, проехался вдоль строя, завернул к крыльцу, ловко спешил на ступеньки, скрылся в кремле.

– По коням! – скомандовал Карп, начальник мирного времени.

Из ворот конюшни выглянул Лузга. Осмотрелся, увидел, что князя нет, вывел осёдланного греческого мула. Лузга был одет в драный свитер и замызганные портки, на ногах болтались ободранные чоботы. Зеленоватый ирокез с утра был взлохмачен и напоминал петушинный гребень. Он плюнул на дорожку, забрался на спину скакуну, свесившему длинные уши с видом покорного педераста, и подвалил к арьергарду.

– Все в сборе? – Карп цепким взглядом осмотрел обоз и пристяжь, удостоверился, что проспавших нет, и отпустил: – В походную колонну... становись!

Отворились массивные ворота кремля. Строем по трое раболовецкий отряд выдвинулся бодрым шагом и, набирая скорость, направился на выездную дорогу. В Низовую Русь. Где не было людей и жило сплошное быдло.

Глава девятая,

в которой ликуют Звонкие Муды

Когда выехали из Великого Новгорода, парни заметно повеселели. Позади остался городской муравейник с его удушливой атмосферой жадности, суетливой преступности и интриг.

«В покоех княжеских сладко, а на природе вольно», – Щавель вздохнул полной грудью и отпустил поводья, предоставив кобылке самой выбирать темп.

От кремля до обеда двигались ровным строем в полном облачении. После обеда брони и пики перекочевали на возы. Михан повязал на голову красный платок. Раболовецкий отряд выстроился в колонну по двое, более уместную на тракте, и резво двинулся в путь.

– Не растягиваться! Шибче ход! – сотник Литвин проскакал к арьергарду, выписал красивую оплеуху зазевавшемуся возчику и завернул коня. – Будем под крышей спать, если до темноты успеем. Ночуем в Звонких Мудях!

– В Звонких Мудях! В Звонких Мудях! – разнеслось по колонне.

Ратники воспряли духом. Даже кони прибавили шагу, уловив в человеческой речи ободряющее сочетание звуков.

Щавель с парнями ехал впереди, как бы в головном охранении, но на самом деле возле командирского места. На тракте надобности в дозоре не было, двигались споро, сгоняя на обочину крестьянские телеги, то и дело огибая мелкие заторы, вытесняя в канаву встречных сиволапых, да те и сами торопились убраться, видя, какая сила прёт.

Погода выдалась самая для верхового марша кузавая. Небо было высокое, синее, ясное, временами прохватывал крепкий свежий ветерок. Над головой кругами вился корвус-коракс. Вился, вился, сел на дерево, вытянул шею поперёк движения каравана и хрипло выкрикнул:

– Кра! Кра!

– Соловушка! – улыбнулся Жёлудь.

Почтенный Карп радости лесного парня не разделял.

– Вот я тебя, тварь! – замахнулся кнутом на корвуса знатный работорговец.

Соловушка покосился на него фиолетовым глазом, взъерошил бороду и удивлённо спросил:

– Крук?

– Каюк! – буркнул Карп.

Он проехал мимо, однако соловушка сорвался с ветки, аж дерево закачалось, взмыл в небо и принялся нарезать круги с только ему ведомой целью.

Михан как бы невзначай оказался рядом с работорговцем и угодливо подпел:

Корвус-коракс, что ж ты вьёшься

Над моею головой?

Ты добычи не дождёшься.

Корвус-коракс, я не твой.

Знатный работорговец, казалось, не реагировал. Он влился в седло, как каменный, на тяжеловозе его кряжистую тушу совсем не качало. Замер, будто наливаясь силой, задрал голову, глянул ввысь, где вился корвус-коракс, предупредил грозно:

– Ты насри мне ещё, гадина!

В ответ с выси слетела маленькая белая бомбочка, шлёпнулась на холку тяжеловоза, смачно чвакнула и разлетелась, забрызгав красную рубаху работорговца и огненную гриву.

Светлейший князь вернул навозный поцелуй.

– Ах ты, падла! Ебит-твою налево! – Карп взмахнул кнутом.

Соловушка сбился на крыло, его словно подкинуло ветром, перевернуло, он отчаянно пытался удержаться в воздухе, но не справился и рухнул под копыта.

– Стойте!

Жёлудь прыгнул, рискуя быть затоптанным, метнулся, выхватил корвуса прямо из-под коней.

– Стой!!! – скомандовал Щавель.

Подчиняясь, ратники дёрнули поводья. Голова колонны стала, задние наезжали на передних, возникла суতোлка. Жёлудь выскочил, прижимая к груди соловушку.

– Ты чё раскомандовался? – Карп двинулся на Щавеля, но остановился, не приблизившись вплотную.

– Кто-то должен, – отрубил Щавель.

Подскакал Литвин:

– Что у вас?

– Парня чуть не стоптали, – объяснил Щавель. – Командуй, сотник, ехать надо.

Жёлудь, держа соловушку, как младенца, взобрался в седло.

– По какому поводу заминка? – с недоумением спросил Карпа Литвин.

– Птицу спасал, – работорговец отвёл глаза. – Да ну его, поехали.

Щавель обратил внимание, что кнут в руках работорговца вовсе не кнут, а короткая плётка о трёх хвостах, сработанная из чёрного человеческого волоса.

И что за всю дорогу Карп ни разу не взбодрил его коня, погоняя где поводьями, а где бранным словом.

Чем дальше от Новгорода, тем просторнее становилось кругом. Поля и перелески сменялись островками березняка, густого и бестолкового. Взрослые деревья сгнули на раз, да и молодой поросли встречалось всё меньше, куда больше виднелось пеньков, кучерявившихся юными побегами. На горизонте показалась грязная дымка. Звономудская стекольная фабрика изрыгала в небеса копоть, пожирая вокруг себя лес.

В Звонкие Муди въехали к сумеркам. Свернули с тракта на главную улицу и быстро оказались перед закопчённым домом городского головы. Парни морщились – промышленным выхлопом в нос шибало так, что шуба заворачивалась. Сажа из заводских печей летела вверх и ровным слоем оседала на крышах, на стенах, на одежде и на лицах горожан. Грязное место были Звонкие Муди, и совершенно непонятно было, чему радовались ратники.

Звономудский голова был извещён загодя, отряд ждали и приготовились. Полусотню Литвина расселили частично в казарме пожарной команды, частью же на постоялом дворе, где однозначно намечалось веселье: подтягивались девки, заводские парни надрачивали об портки массивные стеклянные кастеты и чугунные гирьки в кожаных мошонках. Работорговцу с обозом выделили задний двор лабаза купца Крепостнического, знатно огороженный, с охраняемым складом. Там должно было составить телеги, чтобы за ночь поклажу не растащили ушлые фабричные пацаны. Щавелю отвели дом на окраине, зато сообразно чину, дабы расселить весь боярский отряд, к которому примастырился Лузга.

Улочка, на которую свернула ватага, упёрлась в стадо роившихся подле сарая баб и мужиков. Доносились крики: «Вампир!», «Огня!», «Нахрен огонь, спалимся нахрен!» и «Батюшку зовите!» Дверь на сеновал была распахнута, рядом с ней косо торчал неумело кинутый дротик. Из чёрного проёма выглядывал парень с окровавленным ртом и блажил размеренно и виновато: «Я не вампир!» За его спиной металась голосисая девка, потеряв стыд от страха, и голосила: «Он не вампир, у меня менструация!»

Принесли огня. В плечо парню воткнулась стрела. Он сверзился, пересчитав рёбрами ступеньки, свалил приставную лестницу и гримнулся на копёшку соломы. Щавель опустил лук.

– Отставить! – приказ вернул на улицу тишь. – Все назад!

Он направил кобылку через толпу прямо к сбитою, который уже начал шевелиться. Парень сел в соломе, вырвал стрелу. Ударил струя крови.

– Он не вампир, он живой, – зычно рассудил Щавель. – Вампиры, они мертвецы. У мертвых кровь не течёт, а у этого течёт.

– Надо же, не упырь, – дивились сиволапы, – а могли сарай сжечь.

Щавель двинулся дальше, за ним потянулась ватага, разрезав пополам рой мужиков. Парня уже заботливо подымали под белы ручки, винулись перед ним, сердобольно причитали бабы.

– Фу-у-х, пронесло! – заметил Михан и надменно взял протянутую стрелу.

Жёлудь демонстративно втянул ноздрями воздух, скривился:

– Заметно.

Всю дорогу он баюкал на груди корвуса, как кота, а тот уютно устроился и глядел поочерёдно фиолетовыми глазами, поворачивая клювастую башку и прислушиваясь, что бормочет ему лесной парень. Только возле дома Жёлудь счёл, что жертва бессердечного работоторговца оправилась от ушиба, и подкинул корвуса в воздух. Соловушка ударил крыльями, аж чёлка у коня взвилась, взмыл в небо, сделал прощальный круг в вышине, каркнул во всё горло и лёг на обратный курс.

– Пригрел? – ядовито осведомился Михан.

Жёлудь снисходительно промолчал, спрыгнул с коня.

Щавель въехал во двор верхом и спешил на крыльцо. В чужом краю приходилось подчёркивать чин. Кинул поводья набежавшему холопу, поздоровался с дородным хозяином, который вышел встречать в сопровождении стаи ребятишек.

– Мирон Портнов, – у купца была знатная ряха, окладистая борода и могучий момон, опоясанный малиновой верёвочкой.

«Лжечник, – сообразил Щавель, представляясь. – Однако, далеко забрались. Жёлудь пригрел корвуса, а князь сектантов. Торговля прежде всего у светлейшего. Впрочем, ему рулить.»

– Слышал о тебе, боярин, – заявил купчина. – Почту за честь умакнуть вместе лжицу.

– Да будет твоя лжица всегда жирна, – отвечивал Щавель.

Дорогих гостей провели в горницу, где девки сноровисто накрывали поляну.

– Сам понимаешь, – напомнил Щавель Лузге его место.

– Да без обид, чё ты! На обиженных воду возят, – угрюмо согласился опомоенный спутник и отвалил в людскую.

За столом расселись гости, хозяин с супругою и детки мал мала меньше, все подпоясанные малиновыми шнурками. Упреждённый о прибытии высокого постояльца, Портнов лицом в грязь не ударил. Скатерть убрали блюда с цыплятами, обмазанными выпаренным греческим вином с толчёной брусникою и зажаренные оттого в такой хрустящей корочке, что дух бил столбом, когда ее сокрушали, а слюни текли в три ручья. К цыплятам подавали печёный картофель с мочёной брусникой, артишоки на пару, черемшу сибирскую солёную, кулебяку с наливаемой печёнкой, сыр козий острый и сыр бабий мягкий, маринованные свиные уши и клюквенную наливку – пищу простую и полезную.

С дороги гости разохотились и навернули как следует. Портнов, видя, сколь почтил боярин его нехитрые потуги угодить, занял внимание гостей разговором. Как коренной звономудец, он торговал изделиями стекольной фабрики, но, как истый лжечник, забирался далеко на юг, за море, разделяющее земли, впрочем, богатства особого в тех краях не снискал.

– По-за морем живёт народ густо, но бедно, хуже наших голодранцев, прямо край. – Мирон шуровал картофан своей заслуженной ложкой из красного дерева, умело ведя беседу с набитым ртом. – Зовётся та сторона Египет, потому что здорово в тех местах плодятся люд. Селятся вдоль реки, а дальше пустыня. По обеим берегам у них одна сплошная деревня, и можно год по ней идти до самых истоков, а она не кончится. Поклоняются там Аллаху и

древним царям, что живут в домах размером с гору. Видал я эти дома. Они островерхие, сложены из могучих кирпичей.

– В горах кавказских есть пещера глубокая, и сидит там царь драконов без света и туалета, – поведал Щавель в свой черёд. – Имя же ему есть Сякаев. Звери почитают его как царя дорог, из железной Орды везут ему кокс. Сякаев правит зверями, а за людей там стоит шаман Генералов.

– Был в тех краях? – с нескрываемым уважением посмотрел купчина на путешественника.

– Пил воду из Терека, – многозначительно заметил Щавель.

– Ты понимаешь язык зверей?

– Так получилось, – разговор свернул в нежелательном направлении, ещё немного, и впредь замаячат корпуса энергоблоков с кладкой яиц и убитой Царевной.

Лжечник проявил то ли такт, то ли выработанную в путешествиях осторожность и продолжил про дальние страны:

– На закате лежит страна Магриб. Живут в ней скрытные, недобрые люди, среди них изрядно мошенников и предсказателей. Случилось мне попасть в Танжере на всю наличку. Развёл меня хитрован (да будет его стол пуст, а стул твёрд, комковат и зело велик для прохода!) на стопроцентную предоплату. Я свой товар давно скинул, в кармане пусто как в сиротском саду, поставок нет. Искал этого чёрта три дня по всему торжищу, но лукавые магрибцы только отводили глаза да хихикали в бороду за моей спиной. Даже базарный кадий, да ниспошлёт ему Проверка неподкупного прокурора по надзору, ушёл в отказ. Понял я, что все они при понятиях и прокинуть залётного барыгу для магрибских пацанов не грех, а доблесть. Вот такие в тех землях рыночные отношения, замешанные на круговой поруке. Тогда я пошёл к предсказателю. Он выпил ядовитой воды, в него вселился дух Мандельштама и предрёк на чистом литературном русском: «В самом маленьком духане ты обманщика найдёшь». Я прошвырнулся по всем крошечным трапезным и, действительно, в самом гумозном кабаке обнаружил плута. Стервец был укурен в дым. Я выволок его на причалы и окунул в море. Когда он очухался, я пообещал погрузить с головой и больше не вытаскивать, если он утаит хоть грош. Разумеется, денег при нём не было, но пройдоха знал, у кого перехватить. Я напоил его ядом, и мы поехали в город. Стояла чёрная-пречёрная ночь, только звёзды сверкали с тропического небосклона волчьими глазами. Я крепко держал за пазухой обережную свинцовую лжицу и приготовился дорого продать жизнь, если что. По счастью, обошлось без разбойников, коих немало водилось в портовом городе. Бесчестный кидала занял денег, рассчитался сполна, и мы поехали на мой корабль, где этот терпила заплатил отдельно за противоядие. У меня была лучшая тосканская вода, с которой часто сопровождают сделку купцы Скумбрии и Сардинии. Вряд ли в Танжере нашёлся бы к ней действенный антидот. Ещё до рассвета я вышел в море и причалил только в Марракеше, где купил кофия, злата и аленьких цветочков.

– Аленьких цветочков? – вырвалось у Михана.

– Для забав девичьих, – с благосклонной снисходительностью ответил купчина. – Не могут окаянные дуры из богатых семей без чудищ заморских для утех с извращениями.

– О как! – только и сказал Михан, похвалив сам себя за правильно выбранный путь, первым шагом по коему стал платок греческого моряка. В голове молодца завертелся хоровод магрибских мошенников, отчаянных походов в портовых трущобах, диковинных товаров и разных тропических сокровищ, продаваемых с немалой прибылью.

– Здрав будь, боярин! – Мирон Портнов поднял во славу гостя кубок.

– И тебе, славный купец, всего самого наилучшего, – ответил Щавель.

Выпили.

В горницу заглянул ражий детина. Поймал взгляд хозяина.

– Кони накормлены, раб напоен, – доложил он.

– До усрачки? – спросил Мирон.

– В сопли.

– Дело! – отпустил работника Портнов.

Знаменуя сытный обед, хозяин от души пёрнул.

У Жёлудя глаза полезли на лоб.

«Так положено», – сказал ему взгляд отца.

Примеру главы дома последовали домочадцы. Над столом повеяло.

У гостей защипало в носу.

Спали в светёлке при открытых окнах.

По утрени после сытного завтрака собрались в путь. Жёлудь подвёл к крыльцу кобылу, Щавель запрыгнул в седло. Из конюшни вышел Лузга, одной рукой держа за повод мула, другой любовно скребясь в паху. Вослед ему глядела затуманенным взором растрёпанная полумойка. Дворовые распахнули тяжеленные ворота. Щавель прижал руку к груди, отвесил неглубокий поклон вышедшему на крыльцо хозяину. Мирон Портнов ответил тем же. Ватага неспешно выехала со двора.

У ворот терпеливо поджидал фабричный парень с толстой повязкой на левом плече. Бледный, он действительно был похож на вампира. В здоровой руке парень держал что-то напоминающее замотанный в тряпку огурец. Завидев старого лучника, он шагнул наперерез, подобострастно заглядывая в глаза спасителю.

– Вот, возьми, – он неловко размотал свёрток и протянул Щавелю. – Хрустальный. Сам сделал. Хрусталь варили из импортных ядохимикатов.

Щавель принял дар. Лузга подъехал, заглянул и заржал во весь рот, оскалив частокол гнилых зубов. Из пасти у него воняло как из помойки. На тряпице лежал хрустальный уд. Толстый, с яйцами, длиною в две ладони.

– На, спрячь, – Щавель протянул сыну искупительное подношение и дал шенкеля. За ним тронулись остальные.

Парень стоял и смотрел ему вслед. Поодаль торчала столбом давешняя деваха, к которой отныне и довеку прилипла кличка Валька-Менструация. После вчерашнего суждено им было стать мужем и женой.

У лабаза купца Крепостничега собирался отряд. Ратники выглядели помятыми, но весёлыми и бодрыми. У некоторых на лицах красовались синяки, но куда фабричным работягам против дружинников княжеских! В эту ночь девки достались витязям, как это всегда случалось при проходе отряда через Звонкие Муди.

Сотник Литвин оглядел раболовецкий отряд, сосчитал мигом, недостачи не нашёл.

– По коням!

Щавель занял место во главе колонны, куда чуть погода пристроился Карп. Провожаемый сверкающими из фингалов взглядами гостеприимных звономудцев, караван вышел на тракт.

Глава десятая,

в которой знатный работоторговец Карп страдает от детских страхов и терпит фиаско, а Щавель берёт бразды правления в свои руки

За городом сразу прибавили ходу. До Валдая, если шагом плестись, то часов тринадцать без роздыху, с роздыхом же поболее, за день можно не успеть. Быстрым шагом – часов десять. Не всякая крестьянская лошадка сдюжит, но для княжеской конницы нормальный ход. Быдло еле поспевало увернуться из-под копыт раболовного отряда, сигало на обочину да отряхивалось. «Небось, по важному делу спешат, – смекала чёрная кость. – Неужто на войну?» Сотник Литвин выслал тройку дружинников поперёд каравана на полёт стрелы отгонять сиволапых, а витязи и рады стараться. Копья мельтешат, пихают древками мужичьё в горб: пшёл в канаву, сучий потрох, дай дорогу людям!

Ободрённые весёлой ночёвкой витязи ржали как жеребцы, обмениваясь впечатлениями. Михан с завистью прислушивался к долетающим сзади голосам. Тонкий слух лесного парня позволял разобрать каждое слово.

– Подваливают ко мне такие, пальцы пыром, бивни через раз, окружили. Девоч наших портить вздумали, говорят. А тут все наши подтянулись.

– Кобыла тебе невеста, говорю, иди в денник, присунь.

– Я так с правой дал, у него нос к щеке прилип!

– Он мне хрясь, я ему хрясь. Он мне бац! У меня искры из глаз. Я ему дынсь промеж рогов. Как пошёл его буцкать!

– Жердину с забора оторвал, и попёрла кожа дикая! По горбу давай лупасить, по горбу. В пруд их загнал. Охолоните, грю, горячие финские парни.

Любо было дружинникам наезжать в Звонкие Муди!

Михану захотелось поступить на службу в княжескую рать, жить в коллективе, поддерживать порядок, чувствовать локоть товарища. Одним словом, выполнять свой воинский долг и безнаказанно творить добро. Парень так увлёкся, что осадил жеребца и заметно приотстал.

– Куда выперся, блядин сын! – осерчал Карп, пихнув его конём. – Краёв не видишь, дичина? Стань в строй.

Михан опомнился, дёрнул повод, жеребец отпрянул. Карпов конь потряхнул башкой, зубы клацнули возле жеребячьего крупа, промазал. Вороной зареготал. Полурык-полуржание был страшен, аки глас льва. Михан шарахнулся, засуетился, нагнал своих. Жёлудь глядел настороженно, а Щавель и ухом не повёл, покачивался на кобылке, будто зноем сморённый. Ветер разносил перед ним пыль, гоня прочь слепней и всякую летающую нечисть.

И как с такой подачей вписаться в коллектив?

На привале заморосило. Сойдя к опушке, отряд встал на перекус, но радости от того не было. Похмельные ратники давились сухомяткой и роптали промеж собой, что пожрать можно было бы в седле, не задерживаясь попусту, а до темноты поспеть к Валдаю. Кони? Да ничего им не будет. Дотянут. Ночью пожрут, сейчас время дорого.

Щавель прошёлся по каравану, прислушиваясь, приглядываясь, прикидывая, насколько боеспособны ражие витязи. Не нравилась ему княжеская рать. По всему выходило, что дружинники горазды мужичьё по сёлам гонять, против разбойничьего войска сдюжат, но выставить их супротив басурман бесполезно. Столкнутся в чистом поле с конницей – и побегут. Ни оружия воевать ханских драгун, ни духовитости нет. А ежели башкорты налетят, то и вовсе без единого выстрела саблями порубят в капусту и помчатся дальше с волчьим воем, будто никакой дружины на пути не стояло.

Уличное это было войско. Сторожить кремль, гнобить для порядочка безропотных селян да собирать дань по городам и весям, вот на что оно годилось. Впрочем, рассудил Щавель, светлейший не Орду воевать отправил, а ловить рабов. Да ещё вразумить в окрестностях умом попутавшихся. Здесь дружинники себя проявят с лучшей стороны. Более ничего от них не требуется.

Стараясь быть на виду, Щавель приблизился к телеге, возле которой спорили Карп и сотник Литвин. Караванщик на чём-то настаивал, толкая пузом собеседника. Сотник, привычно не сдвигаясь ни на шаг, лениво отпирался, заедая речь печёным яйцом и ломтём белого хлеба.

– ...Дружно рысью пойдём, – на последнем слове изо рта сотника вылетели крошки, а сам он отёр усы ладонью.

– Чё ты плюёшься, чёрт, – отряхнулся Карп, плётка человеческого волоса была бережно заткнута за пазуху, только рукоятка краем торчала. – Это ты рысью, а телеги отстанут. Все вместе будем двигаться быстрым шагом. Вместе ушли, вместе пришли. К ночи поспеем в Валдай и встанем на день. Подождём, когда распогодится, да оттянемся не хуже, чем в Звонких Мудях.

– Сам поспевай к ночи, – упорствовал Литвин, косясь на пасмурное небо.

Начальники отвлеклись на постороннего и недовольно примолкли, как бы на краткое время, чтобы перевести дух. Давая понять, что их отвлекли от важного и лучше так не делать. Сотник даже доедать не стал. Приготовился захватить хлебушка, но как бы выжидал с брезгливым нетерпением.

Щавель постоял напротив них, бесстрастно изучая каждого по очереди.

– Гнать коней не будем, – постановил он, заткнув на вдохе собравшегося к неприветливому вопросу Карпа. – Дождь нам не помеха, не растаем. Заночуем в лесу. Днём проедем Валдай, там нам делать нечего. У повёртки со старого тракта станем на ночёвку. С утра свернём, до Бологого двадцать вёрст по насыпи. Идти будем ровно, в Бологом кони отдохнут, а для нас дело найдётся.

– Ты чего тут раскомандовался? – забуровил караванщик и натолкнулся на встречный взгляд бледно-голубых глаз Щавеля, стылый, как талая вода...

...и льдины. Льдины плывут по реке. Мальчик стоит у самой воды, а река широкая, другой берег теряется в дымке. Река чёрная, у кромки льда сидит ворона. Голос невидимой бабы тянет песню: «Издалека до-олго течёт река Во-олга». Мальчику зябко, он один на широком поле, ни родни, ни дома. Только холодная природа разговаривала с ним.

«Ты умрёшь, умрёшь», – шелестели ивы.

«Ты умрёшь, умрёшь», – журчала вода.

– Отпусти, – выдавил караванщик. – Не держи...

– Я не держу, – миролюбиво согласился Щавель. – Ты сам себя в капкан загнал.

Карп протяжно выдохнул и поник, словно сдулся.

Щавель обратил взор на Литвина. Сотник потупился.

– Мне за движением назначено смотреть. Ты знаешь, я князем поставлен, – упорядочил отношения старый командир, чтобы у начальников более не возникало сомнений. – За Арзамасом я вас оставляю, уважаемые. Карп займётся своим делом, а ты, сотник, своим. И все будут довольны.

– Будем, – сказал Литвин, не смея спорить.

– И ты, Карп, тоже будешь доволен, – обронил Щавель, переведя внимание на караванщика.

– Да, – не осмелился прекословить знатный работорговец, когда-то мальчонкой утащенный злыми татарами в полон, а потом выдвинувшийся на руководящую работу за счёт тяжёлого характера, могучего здоровья и выпестованной кнутом злобы.

Щавель вернулся к своим. Парни, почтенный Альберт Калужский и Лузга кучковались наособицу, причём последний что-то рассказывал, оживлённо жестикулируя.

– Там у них есть мотоцикл. Садись в седло, хвать за рога, ногой по стремянам как пнёшь, и давай ему роги накручивать, а он рычит и мчится как бешеный.

– Не, у нас такие не водятся, – степенно отвечал Жёлудь.

– Да он железный, как шведский пароход. Мчится, как ветер, и воняет будь здоров.

– Тьфу, срань, – сплюнул парень.

– Прости и помилуй, – осенил себя святым знаменем Альберт. – Не может Господь милосердный допустить в мир такую пакость, разве что в наказание нам грешным.

– Не веришь? Руби мой уд на пятаки! – страшно забожился Лузга, обращаясь сразу ко всем. – Суйте в зад мне наждаки, если я вру!

– В Орде водятся много престранных зверей, – примирительно воздел ладошки целитель. – Не все они от Творца, иные вышли из рук человеческих, покоря бrenную плоть торжеству научного разума.

– Вот бы на таком промчаться, – мечтательно вздохнул Михан. – Быстро он бежит?

– Галопом. Да что там галопом, любого скакуна обгонит вмиг. Летит как вихрь.

– Много жрёт?

– В городе шесть-семь литров, на трассе – четыре-пять, – скороговоркой выпалил Лузга.

Его никто не понял. Что за скакун, который только пьёт? Увлекательный разговор про басурманскую скотину прервал Щавель.

– Сегодня ночуем в поле, – поставил в известность командир своих ближних. – Завтра обедаем в Валдае и идём дале. Послезавтра встаём на постой в Бологом, переночуем под крышей.

Парням было не привыкать к отдыху под открытым небом, а Лузга тут же сунул руки в брюки и с любопытством воззрился на Щавеля, спросил с подначкой:

– Это как же, Валдай проедем? Там девки с бубенцами на причинных местах. Сотник такого не упустит.

– Сотнику только и делов что до девок? – равнодушно кинул Щавель. – Двинем, как я сказал.

– Войско-то не взропщёт?

– Войско подчинится приказу командира, а Литвин – мне.

– Чё, и Карп согласен?

– Очень даже.

Лузга мотнул башкой, пригладил зелёноватый ирокезы:

– Хэх, тебе решать, ты начальник, а я дурак, коли сразу такой расклад не просёк. Совсем забыл, что ты старший по званию и как есть командир.

– Помни, – сказал Щавель.

Глава одиннадцатая,

в которой отряд доходит до Середины, а справедливость до края

С Московского шоссе Великий Новгородский тракт сворачивал на насыпь – каменистую дорогу среди лесов и болот, проложенную в незапамятные времена, ещё при царе, и называемую почему-то железной, хотя ни единой железки на ней днём с огнём не сыщешь. В Святой Руси железо на дороге не валяется. Насыпь вела в обход городищ Торжка и Твери, которым пришёл пиндец.

По старому шоссе почти никто не ходил, кроме китайских гастарбайтеров, прозванных в народе ходяими. Оно и понятно, китайцев радиация не берёт, а нормальным людям в тех краях делать нечего. Обстановку на другом берегу реки Тверцы точно отражало бабье напутствие «Гвозди тебе в руки и ноги, ни пути тебе, ни дороги», часто применяемое как порча. Словом, люди тех мест избегали, а за нечистое пепелище Твери и вовсе соваться не следовало, ведь впереди ждала Москва.

За Валдаем Великий тракт терял гордое имя Новгородский, однако сильно хуже не становился. При светлейшем князе он превратился в торный путь к Рыбинской цитадели, крепко севшей на волжско-беломорскую торговую жилу. Со времён крайнего посещения Щавелем дорога претерпела значительные изменения к лучшему. Колёи в самых разъезженных местах замостили брёвнами, с обочин холопы дистанционной службы то и дело подсыпали щебень, которого тут водилось немерено. За состоянием насыпи следили, но всё равно это было не Московское шоссе, галопом не поскачешь, да и рысью-то, честно признаться, не везде.

До Бологое шли пять часов и, наконец, пришли. Городок не произвёл на парней впечатления. Это был не оживлённый промышленный Валдай, покрытый копотью из труб литейных мастерских, наполненный звоном чеканщиков и малиновым пением колоколов и колокольчиков, лить которые там издавна водились большие искусники. Бологое оказался совсем незвонкий, серый. Насыпь вывела на Вокзальную площадь, оттуда караван развели на постой. Ватаге уготовили большой дом грека Аскариси, хозяина краснописной артели.

Жилистый, с плотным круглым момоном грек был рад не упустить выгоду, приняв на ночлег посланцев светлейшего князя. Посетовал только, что обед уже съели, однако тут же порекомендовал трактир своего соотечественника и подробно объяснил, как туда добраться. Ужин Аскариси обещал после заката, когда в мастерской стемнеет и художники отложат кисти до утра.

Щавель повёл парней в чудесное место, коим славен был город Бологое. С ними увязались Лузга и Альберт Калужский. Дело стоило того, чтобы пожертвовать отдыхом.

– Некогда Бологое был очень важным центром, – поведал парням Альберт и воздел к небу перст. – Центром!

– Центром чего? – осведомился Михан лишённым всяческого почтения тоном.

– Центром мироздания для многих и многих. Центром пути. Пока не наступил Большой Пиндец, ежечасно толпы путешественников жаждали прибытия к этому месту, дающему уверенность в благополучном завершении странствия. Ныне купцы предпочитают речной путь. Летом, пока есть возможность идти по воде, здесь тихо, зимой будетлюдно. Почнут свозить на санях товар из Великого Новгорода, Рыбинска и Великого Муромы, устраивать торг и веселиться. Зимой тут хорошо рвать зубы и врачевать раны. Однако и на сей скудный день всяк проезжающий Бологое стремится почтить Полпути.

– Кого? – не сразу сообразил Жёлудь. – Куда полпути?

– От Питера до Москвы, от Питера до Москвы, – медвяным тоном пропел Альберт.

Место располагалось на улочке за складами огромного, но запустелого во внесезонье Гостиного двора. Дом снесли, площадь замостили и обустроили с удобствами для паломников: скамеечки, тумба для подношений, алтари всем богам. Сразу было заметно, что место козырное, чтимое, намоленное. Тут шароёбились возчики с каравана, но они поспешно ретировались с непривычной для них застенчивостью.

– Вот здесь, – указал Щавель на каменные бруски, отделяющие проходную часть от проезжей части. Один брусок заканчивал линию серого гранита, соседний – коричневого. – Здесь бордюр переходит в поребрик.

Все присутствующие благоговейно замерли.

– Раньше пассажиры радовались как бараны, – буркнул Лузга. – Говорили: «Полпути проехали, полпути!» Мол, теперь, верняк, докуда надо доберёмся. Как же! Раскатали губу. Пиндец им пришёл.

Щавель с укоризной посмотрел на него и обратился к парням:

– Если встать одной ногой на бордюр, а другой на поребрик и загадать желание, связанное с путешествием, оно сбудется. Прислушайтесь к себе, представьте, чего вы на самом деле хотите. Сбудется только загаданное от чистого сердца. Место само выберет правильное.

– Короче, делай как я, – ободрил Лузга, встал на Полпути и мысленно пожелал вернуться из Орды в Новгород здоровым и до первого снега. Он отчаянно не хотел задерживаться на Урале, рёбра помнили кастет начальника сборочного цеха.

Лузгу сменил Альберт Калужский и загадал наловить здоровых рабов, которые достанутся ему в добычу.

Михан – устроиться в дружину.

Жёлудь – не опозориться в походе.

Щавель – увидеть хана Беркема.

Он чётко знал, что сделает в этом случае.

Совершив ритуал, ватага бросила монетку на счастье в тумбу для монеток на счастье и, воздав должное своим богам, освободила место для делегации пахнущего рыбой купечества.

– Некоторые называют это волшебное место точкой сборки нашего мира, – пустился разглагольствовать на пути до постоя склонный к отвлечённым мудрствованиям Альберт Калужский.

– Какой ещё точкой? – от слова «сборка» Лузгу передёрнуло.

– То ведомо лишь эльфам, пропитанным солью знаний. Они объясняли мне по книгам некоего карлика, а, как вы знаете, карлики иногда рождаются готовым вместилищем мудрости, карлика по имени Каштановая Роща, индейца из давно исчезнувшего мира. Я слушал, но толком не понял и сам растолковать не могу. Точка сборки, так говорят эльфы, в том числе стоящий в очереди за хлебом кандидат технических наук Рафаэль, за которым просили не занимать, известный своей учёностью.

Выходцы из Ингрии почтительно склонили голову пред именем великого авторитета, только Лузга рывком сунул руки в брюки.

– Пусть эльфы знают что говорят, – он зябко поёжился. – Пусть они язык в дупло засунут, дятлы! Думают, что умные очень, а у самих что ни толкуй, всё будет... Да чего там! – Лузга махнул рукой. – Эльфы, они и есть эльфы.

– Трудно не согласиться с тобой, – обронил Щавель. – Эльфы есть эльфы, чухна есть чухна, а шведы – шведы и есть. Этаких мыслей, ты знаешь, Лузга, в моей голове не счесть.

Лузга тряхнул гребнем:

– Лады, уел. Больше слова не услышишь, на хер не пошлю.

И в самом деле молчал всю дорогу до постоя.

Управляющий мастерской Аскариди привечал гостей по-артельному. Сели ужинать за общим столом со старшими мастерами, мужами патлатыми и мечтательными, с въевшейся в

пальцы краской, пахнущими льняным маслом и скипидаром. Все они были блаженными и говорили вроде по-русски, но непонятно.

«Не оскоромиться бы», – подумал Щавель.

Мастера поели, обсудив работу на завтра, и отправились по домам. Воздавая должное высокому гостю, Аскариди выставил пузатый графин с хрустальными лебедями на ручках. Надо ли уточнять, что выдут он был в Звонких Мудях!

В графине была метакса.

Гости примолкли, таращились на картины, коими были увешаны стены. Дивные полотна изображали природу в лучшие её моменты, важных людей, разодетых в пух и перья, и приготовленную к пиршеству снедь, выглядевшую так аппетитно, что на сытый-то живот слюнки текли, а на голодный и вовсе смотреть было боязно.

– Нравится? Моя школа, – похвастался грек. – Кого сам выучил, кто ко мне на заработки пришёл, но всё, – обвёл рукой, – из моих стен.

– Из твоей мастерской? – льстивым тоном спросил Альберт Калужский.

– Вон, во дворе пристройка, – небрежно бросил хозяин. – Там всё и пишут. Я им темы подкидываю, у меня опыт и глубокое чувство рынка. Аскариди всегда в курсе, что возьмут. Он неликвидный товар выпускать не будет!

– Истинно так, – поддакнул Альберт.

– Все тонкие знатоки и ценители прекрасного знают полотна из мастерской Аскариди! – Грека раздуло от собственной важности. – Аскариди не делает какую-то мазню, как этот маляр Автоном и сын его Суверенитет. Нет, Аскариди не гонит фуфло на рынок, и потому его товар всегда в цене.

– Сам я в искусстве не разбираюсь, но много слышал о твоей краснописной фабрике.

Грек сверкнул глазами.

– Прибыльное должно быть дело, – продолжил лепила с целью одобрения.

– Весной третью жену взял к себе в дом, – похвалился Аскариди. – Она из хорошей, хотя и обедневшей семьи. Досталась девицей, родители блюли, чтобы сделать достойную партию. Я с пониманием отнёсся. Лошадь им дал, двух коров и пять тысяч рублей деньгами.

– Красиво жить не запретишь, – отметил Лузга.

– Ай, Аскариди всегда красиво жил, – причмокнул губами грек. – Никогда не было такого, чтобы Аскариди жил плохо. Он сам доволен, и художники его довольны.

– Хорошо им платишь? – поинтересовался Щавель. – Я видел, у тебя творцы какие-то драные, лапти, и те обносились. Почему не в сапогах?

Аскариди унялся. Помолчал. Начал вкрадчиво, глядя вдумчиво на заехавшего из глухомани боярина.

– В большинстве случаев плата, поощряя усердие, мешает подойти к работе творчески. Когда платишь художникам меньше, они пишут дольше, с ленцой, но искуснее, чем тупые маляры, которые делают простую, но скучную работу: подмалёвывают за кем-то или просто гонят продукт на расхожий сюжет. Малярам надо много платить, тогда они будут работать усерднее, им сделщина катит. А художникам усердие только вредит.

– Вот как? – Щавель отставил бокал.

Управляющий пригубил метаксы. Сובлазн дать урок боярину был настолько велик, что Аскариди не устоял перед искушением, а поведал само сокровенное, о чём говорил только с редким гостем при закрытых дверях. Сейчас был аккурат такой случай: завтра путники уедут и никому в Бологом не расскажут секретов эксплуататорского ремесла.

– Если художник своё дело любит, пишет умело, талантливо, ему можно самый мизер платить. Влюблённому только еда нужна, чтобы он от голода не мучился. Деньги для таланта, увлечённого творчеством, лишние.

– Что ж он, не заслужил награды? – вырвалось у Жёлудя. – Не по правде это.

– Так это правда и есть, – рассмеялся грек, довольный, что сможет поучить уму-разуму боярского гридня, а через него и всю свиту с командиром во главе. – Такова правда жизни, юноша! Маляру можно денег дать побольше. Каши маслом не испортишь, а холст загубишь и не ототрёшь потом. Настоящему художнику башляй не башляй, мастер своё дело сделает. Платить важно ученику. Он тогда быстро и лучше учится. Я беру ученика, смотрю на него, какой он – сообразительный, старательный, – и денег даю. Потому ко мне тянутся, издалека приходят учиться, знают, что я щедрый. Настоящие художники, которые от души, от Бога художники, без всяких денег хотят добиться успеха, заслужить похвалу или сделать работу хорошо, по совести. Зачем им платить лишнее, если они прутся от одной работы? Я по уму щедр!

– А ведь ты эффективный управляющий, – задумчиво произнёс Щавель, стылым взглядом облизывая хозяина краснописной артели. – Ты, наверное, с менеджерами знаешься?

– Знаю некоторых, – с разгона оттарабанил грек и только потом прикусил язык.

– Ты, наверное, в Москве учился, – поставил точку в приговоре Щавель.

Таким злым отца Жёлудь не видел давно.

Аскариди опомнился, но поздно:

– Наговариваешь, боярин, в какой Москве? Не учился я в Москве...

– А речи московские, – сказал Щавель.

* * *

– Пиндец пиндосу, – констатировал Лузга, глядя на качающееся тело Аскариди.

Эффективного управляющего вздёрнули утром на площади. Наспех сколоченную виселицу окружили конные ратники с копьями наизготовку. Горожане, стянувшиеся поглазеть на казнь, супротив ожиданий Щавеля, не роптали. Должно быть, про свою популярность грек наврал.

Когда управляющий отплясал в петле и люд потянулся по насущным делам, Щавель командовал строиться в походную колонну. Обоз был готов и находился недалеко под хорошей охраной.

Приказ командира разнесли по своим подразделениям Литвин и Карп. Застучали по мостовой копыта и ободья. К Щавелю на муле подвалил Лузга. Исполняя приговор, он выбил табуретку из-под ног москвитя, а потом запустил руку в котомку и не вынимал, пока всё не кончилось, настороженно зыркая по сторонам.

– Художника всяк обидеть норовит, – ввернул он, косясь на обделававшегося висельника, вокруг которого начинали полёты мухи.

– Что с обиженными делают, сам знаешь, – обронил Щавель.

– Свой приют для бедных художников он из Вышнего Волочка перенёс. Должно быть, не ужился там.

– Ты знал и не сказал?

– Я думал, ты его за столом зарежешь, – признался Лузга. – А ночевать потом с трупом в доме?

– Мы ж не разбойники, хозяев резать, – смиренно возразил Щавель. – По закону надо, по правде.

– По правде покойный жил, – напомнил Лузга.

Щавель только на виселицу кивнул:

– Он по пользе жил и оттого со временем края перестал видеть. Хорошо, ума не хватило в правду пользу вытянуть, а ведь мог, с его-то размахом... Кабы свинье рога, всех бы со свету сжила.

– Да, ты знатно воздал добром за добро, – как на духу выложил Лузга.

Щавель окинул взглядом старого приятеля, и получилось свысока. Так уж их расставила жизнь, некогда разлучив и установив каждого на своё место.

– Художники натура сложная, – хотел пошутить Щавель, но рядом с неостывшим трупом рачительного хозяина сбился, – вон у них как всё. Свои счёты, свои расклады. Правда, и та своя. А мы люди простые, и правда у нас, как у всех. При столкновении с реальной жизнью оригинальная натура художника зачастую испытывает непреодолимый диссонанс и разрушается в прах.

– Эк ты загнул, по-эльфийски.

– У меня жена из эльфов.

Лузга хлопнул себя по лбу:

– Так вот Жёлудь кто! Я-то смотрю, вроде человек по всем параметрам, а что-то не так.

– Ты ещё не видел, как он из лука стреляет, – сказал Щавель.

– Проверим! – заявил оружейный мастер.

Глава двенадцатая,

в которой пируют пролетарии водного транспорта, а Щавель творит справедливость

За озером Бологое Великий тракт уходил через болота на Рыбинск. Дорога к Вышнему Волочку была совсем гадкой: мокрой в сушь, топкой в дождь и непролазной до схода вешних вод. Двадцать вёрст до Заречья были дорогой конских костей. В этих краях для передвижения во все времена года, кроме зимы, купцы выбирали каналы и реки. Пусть медленнее, зато надёжно и дешевле в десять раз.

В деревне меж двух озёр встали на обед. Трактир не вместил всех караванщиков, многие устроились возле телег.

К Жёлудю словно невзначай подошёл ратник:

– Твой старший-то всегда так дела ведёт?

– Он мой отец, – Жёлудь не спеша прожевал, собрался с мыслями.

– Довольно крутенько начал.

– Он всегда такой.

Ратник удовольствовался ответом и отошёл к своим. Дружинники принялись оживлённо совещаться.

– О чём спрашивал? – подскочил Михан, жадно искавший знакомства с дружинниками.

– Об отце, – во всём, что касалось бати, Жёлудь был сдержан.

– Эвон! А чего спрашивал?

Жёлудь вместо ответа сунул в рот кусок и основательно заработал челюстями.

– Что ты молчишь, дурень? – не выдержал Михан. – Говори давай, чего спрашивал-то?

– Чего пристал как репей? В дружину тебя всё равно не возьмут. Ты сначала жрёшь без ума, потом серишь без памяти. Куда тебя в княжье войско, чтоб ты в строю набздел? Тебе дело не на рати, а срати.

– Тебя, дурака, слушать уши вянут, – Михан скорчил козью рожу и отвернулся с чувством глубокого разочарования.

В парне боролись гордость и жгучее любопытство. Последнее победило, Михан оглянулся, но деревянная морда Жёлудя, косящегося на него с плохо скрываемым ехидством, отбила охотку интересоваться. «Довелось в кои-то веки попить из меня крови? – погнал гурьбой обидки уязвлённый в самых чистых своих честолюбивых помыслах Михан. – Валяй, куражься, гниль. Разошлись наши пути». Он изобразил равнодушие и упругой походочкой направился к обозникам, возле которых бард Филипп расчехлял свои гусли.

– Сытое брюхо к учению глухо, – подначил бард мужиков. – Коли потехи час наступил, делу время потом найдётся. Что вам дёрнуть для лучшего пищеварения?

– Давай «Смугляночку», – сообразились промеж собой обозники, – а мы подпоём.

Филипп влез в шлею, поудобнее устроил гусли, для разогрева проверил лады. Длинные пальцы барда проворно забегали по струнам, рождая бойкую мелодию.

Как-то утром, на рассвете,
Заглянул в соседний сад.
Там смуглянка-лесбиянка
Подтирает пальцем зад.
Я хренею, цепенею,
Захотелось вдруг сказать...

Бард замер, мужики набрали воздуха, хором грянули:

Что ж ты, сука,
Во все щели тебя драть!

И заржали оглушительно, как четвёрка коней Водяного царя.

Весёлые были песни у барда Филиппа. Михан аж заслушался. Бард, заметив его интерес, подмигнул, поманил в круг:

– Давай к нам! Жги, паря, не робей.

От такой чести у Михана словно крылья выросли. Обозники дали ему место, и парень влился в коллектив. К концу обеда он знал все куплеты «Смугляночки», а бард и караванщики всё про Щавелев Двор и тихвинские расклады.

Дошли засветло, однако умаялись. От Заречья дорога пошла в гору, сделалась суше и на лучших своих участках напоминала Московское шоссе. Из края озёр и болот поднялись в город плотин, каналов и шлюзов, стоящий на великом водоразделе.

Вышний Волочёк встретил путников гомоном и ядрёным духом пивной слободы. В носшибало, ажно кони ушами пряли и, ободрившись, мотали головой. С обеих сторон дороги потянулись солодовни, овины, склады, поварни, уксусный и пивоваренный заводы. Проезд запрудили телеги. Деловые мужики тягали с возов мешки, катали бочки, сновали целеустремлённо и весело, но на ихних харях не было деревенской благожелательности. Здесь в силу вступал город, богатый, серьёзный. Даже звонкий смех русалок с заводи лесозавода не умалял впечатления охватившей горожан предприимчивости. Отряд поднялся по главной улице до центра, а зоркие лесные парни не заметили ни одной праздной рожи. Вместе с тем Вышний Волочёк не был окаменевшим в державной красе Великим Новгородом. То был город беспрестанной речной движухи, кипучий, проникнутый до корней земли добровольной тягой к труду, исполненный осознания собственной важности основной водный узел Верхней Руси, но несколько тем не кичащийся. Здесь без остановки вкалывали: чинили изъезженные телегами торцы, разбирали крышу нестарого ещё полукаменного дома для надстройки третьего этажа, что-то подкрашивали, ремонтировали. Видно было, что денег тратится немерено, однако с каким-то особым умыслом. Даже растянутое меж коньками поперёк улицы огромное алое полотнище с непонятной надписью «Все на благоустройство Тверецкого бечевника!» тоже для чего-то служило.

Отряд встал на площади у Обводного канала, а Щавель с Литвином и Карпом промчали три квартала до угла Цнинской и Тверецкой набережных, представляться директору водяной коммуникации.

Дом водяного директора, роскошные каменные хоромы высотой четыре этажа, занимали весь квартал, небольшой, но крепко вцепившийся в землю корнями наследственного правления. Само присутственное место, Путевой дворец с фасадом коричневого гранита, где размещались дом собраний, архив и канцелярия, смотрело на Тверецкий канал, словно принимая стянутые с Низовой Руси кладные барки. Сбоку, лицом на Цну, к дому собраний примыкал детинец, пониже, но поосновательней. Во дворе, обнесённом кирпичной стеной, расположились клетки, хлева и прочие хозяйственные постройки. Командир, работорговец и сотник вошли во дворец через главный вход и уселись ждать в приёмной, потчүемые заботливой секретаршей чаем с пряниками.

Водяной директор вышел из кабинета слишком свежий для конца рабочего дня, должно быть, проник из опочивальни подземным ходом. Был он обряжен в короткий тёмно-синий кафтан и порты тонкой шерсти иноземной выделки, под кафтаном поддета белая рубаша с удавкой в горошек. Директор мигом узнал Карпа и Литвина, многожды бывавших проездом, раскладываясь со Щавелем. Дорогие гости проследовали в апартаменты. Просторный кабинет водяного

директора был украшен величественными пейзажами речных берегов и плотин. Дабы подчеркнуть, что хозяин не чужд культурных традиций родного края, промеж окон висела картина с оборотнем «Преображение братца Иванушки у копытного следа», не иначе как из краснописной мастерской покойного Аскариси.

– Как дела в городе, почтенный? – осведомился Щавель. – В порядке ли твои шлюзы, не заилились ли каналы?

– В порядке, в порядке, – торопливо заверил директор, он ждал делегацию и явно трепетал, как недужный с грязной раной при виде целительной головы. Равно как больной, он тщился уклониться от лечения, понимая его пользу, но не принимая кратких страданий. – Поддерживаем систему коммуникаций на должном уровне. Своевременно укрепляем створы. Гатим плёсы Тверцы ударно!

– Нет ли проблем с транспортными средствами? – знатный работорговец Карп вырос на Волге, разбирался в вопросе лучше, знал больше, мог копнуть глубже.

– Никаких проблем! – Директор забежал глазками, сцепил пакши и закрутил большими пальцами. – Все поступающие барки своевременно проходят переоснастку со взводного судоходства на сплавное...

– Князь ждёт караван, – уронил Щавель, будто камень в глубокий колодезь: гулко булькнуло, плеснуло, и наступила глухая тишина. – Заморские купцы в непонятках. Почему не отправляешь суда?

Водяной директор замер, как мышонок под веником. В кабинете аж звуки с улицы перестали доноситься.

– Поссорился с Водяным царём?

– Нет, нет, – скороговоркой отозвался директор, он совершенно не держал взгляд.

– В чём помеха? – испросил Щавель, выждав. – Кто не пускает?

– Едропумед... – выплюнул директор, будто стыдливо сквернословил.

– Это что?

– Ростовщик.

– Есть такой богатей, – пояснил Карп. – Едропумед Одноросович Недрищев. Деньги даёт в долг под проценты кому ни попадя, однако ухитряется исправно взимать долги, потому не прогорел. Хитрый как лиса. Весь город своей паутиной оплёл.

– С караваном это как связано? – задал Щавель вопрос директору.

– Брали в рост. Купцы. Много лет, – директор заёрзал, ещё быстрее закрутил пальцами. – Многие, многие брали, проценты выросли. В этом году Едропумед Одноросович сказал, что ждать не будет. Пока там прибыль с Новгорода вернётся... Больше не может ждать. Ему сейчас средства понадобились... Его приставы аж с бедняков собирают. Вот он товары и арестовал.

– Товары арестовал? – протянул Карп в некотором обалдении.

– Ты здесь директор, – отчеканил Щавель. – Договориться с ростовщиком мог. Нельзя торговлю в Великом Новгороде подрывать, а ты подрываешь.

– Едропумед Одноросович кредиты на строительство даёт, – на городского главу было жалко смотреть. – С его денег поддерживаем в порядке основные коммуникации.

– А сборы как же? – удивился Щавель. – Вам для этого дозволено взимать в городскую казну подати с купцов.

– Сборы идут на покрытие задолженности по предыдущим кредитам.

– А вы берёте всё новые?

Директор обречённо кивнул.

– И проценты по ним растут, – заключил Щавель.

Директор затряс головой.

– А когда совокупная величина приблизится к оценочной стоимости коммуникаций, ростовщик их себе в личную собственность заберёт? – ядовито осведомился Карп.

– Сколько лично ты ему должен? – ледяным тоном осведомился Щавель. – Меня не интересует, сколько ему должен город, меня интересует, сколько ты брал для себя.

От услышанного гости переглянулись. Литвин с удивлённой улыбочкой, Карп злорадно, а Щавель испытующе, словно дистанцию мерил.

На постоя расположились в бараках льняного завода практически за городом. Витязи не должны были смущать обывателей, да и не находилось возле центра свободного места для каравана. Вышний Волочёк был запружен понаехавшими купцами, гребцами, водоливами, коноводами, бурлаками и сволочами, не считая самих горожан, коих здесь проживало немало. Город пучило. Он зрел, как нарыв. Человеческий гной копился в нём, не находя выхода. Резался по кабакам ножами, в кости и карты; ещё немного, и неминуемо должен был прорваться пожарами, грабежами и пьяным разгулом озверелой от скуки толпы.

* * *

Наутро Щавель наказал ватаге отдыхать в меру собственного разумения, а также сил и приличия. Сам же, надев парадную рубаху, отправился в сопровождении пары видных дружинников в Путевой дворец, где собрались на совет купцы речного каравана.

– Приглядывай за парнями, – нагрузил он Лузгу. – Возьми за компанию лепилу да пройдишь по городу.

– Базар! – тряхнул тот зелёным ирокезом.

На прогулку с ватагой увязался Филипп. Бард прихватил гусли, должно быть, хотел подзашибить деньги на торговой площади.

Ватага двинулась вверх, к центру. Неширокие улицы были замощены торцами, исправно подновляемыми в тех местах, где железные ободья телег прокатали колеи. Шли за народом и незаметно оказались на торжище.

Базар раскинул свои тухлые крылья на прилегающие задворки и проулки. Его было слышно издалека, а запашина доставляла лесным парням разнообразные впечатления.

– Фрукты с гнильцой, с гнильцой, все очень дешёвые! – кричала торговка.

– Стильные кишки! Налетай, примеряй и лавэшку максай! – блажил ражий детина у лотка с тряпками.

– Ни черта себе, как всё дёшево, – отметил бард Филипп, сунув рыло в суконный ряд. – Надо было деньги не пропивать, а тратить здесь с целью. Слышал, но не верил, что такая халява.

Ватага выдралась из торгового муравейника и отступила за Тверецкий канал.

– Никогда здесь такого не видел. Что за столпотворение? – поинтересовался Альберт Калужский.

– Караван в Великий Новгород не уходит, вот и сдают товары за бесценок, пока не испортились.

– А не отправляет чё? – прищурился Лузга.

– Купцы с головным кредитором договориться не могут. Он им кредитную историю портить не хочет, а они против капитализации процентов стоят, – казалось, бард знал все перипетии в любых местах, а где не знал, мог мигом разведать.

Парни слушали раскрыв рот. Мудрёные слова влетали в уши, но не задерживались в голове.

– Всё у них попуталось, ни старшего, ни младшего, – констатировал Лузга.

Бард пожевал губами.

– У кого деньги, тот и прав, – смиренно заявил он. – Кто платит, тот и заказывает музыку.

– Понятно всё с вами: богаты, так здравствуйте, убоги, так прощайте. Вы тут что, по московскому времени живёте? – оскалился Лузга.

Филипп хотел было срезать собеседника добрым словом, но лицо у Лузги было похоже на улыбающийся топор, и бард утаил отклик в сердце.

Нездоровая сутолока возле дома, где под окнами стоял гружённый барахлом воз, заставила парней наострить уши. Трое молодчиков в чёрных кафтанах шурудили возле крыльца. Из окон таращились соседи. Первым на бабский плач дёрнулся чуткий к несправедливости Жёлудь. За ним жаждающий приключений Михан.

– Не лезли б вы, ребята, не в своё... – пробовал придержать их Альберт Калужский, как Михан отвечал ему:

– Ты что! Видел и не пресёк, значит, соучастник, а это петля, – и устремился следом.

Лузга только крикнул, мотнул головой и прибавил шаг, запустив руку в котомку.

У воза разворачивалась драма местного значения. Молодцы выносили со двора и кидали на воз домашний скarb. Выглядели они ровно мытари у тракта, только поглаже и поновее.

– Чего творите? – осведомился Жёлудь.

– Те чё надо?

– Ты сначала ответь.

– Я те щас так отвечу, мало не покажется.

– Уверен в своих словах? – подскочил Михан. – Ты кто такой, добрый молодец?

– За доброго ответишь...

– Вышибалы они Недрищевы, вышибают последнее из нас, – баба с красным зарёванным лицом была рада любому. – По миру ведь пойдём. Куда я с детишками...

Сотоварищ в чёрном кафтане заступил ей дорогу, третий вышибала набычился и двинулся на вырубку подельнику.

– Паря, не суйся. – Молодец в чёрном кафтане зажал в кулаке свинчатку, а Жёлудь схватился за нож, когда к ним подвалил Лузга.

– Шакалишь борзо, – заметил он, цыкнул зубом, обвёл жлобов поганым тухлым взором.

– Конфискуем имущество по кредитной задолженности, – хмуро ответил добрый молодец, убирая свинец. – Всё по закону, они договор подписывали.

Жёлудь ничего не понял из сказанного вышибалой, но за эти слова хотелось воткнуть в него нож.

– Щас вам батюшку позову, – пригрозил добрый молодец и скрылся в доме.

– Ты нас батюшкой-то не стращай, – задиристо тряхнул головой Михан. – Видали уже и не таких. Пуганые...

Двое вышибал встали плечом к плечу перед возом. Стороны буровили друг на друга, казалось, дыхни кто не так и мигом дойдёт до нехорошего. Даже баба притихла.

На крыльцо вышел гривастый поп в рясе, пошитой из той же материи, что кафтаны молодцов. Батюшка окинул надменным взглядом табунок защитников, вразвалочку снизошёл до них по протяжно скрипящим ступенькам. Был он не стар совсем, годов тридцати пяти, но ряха и момон прибавляли дородности.

«А рожа у него как совковая лопата, – подумал Лузга. – За целый час с похмелья не удобришь».

Из дверей в сопровождении доброго молодца появился мужичок, видимо отец выселяемого семейства, не отчаявшийся, не забитый, а какой-то смиренный и сонный.

– Непричастных очень прошу покинуть место исполнения правосудия, – густым басом скомандовал батюшка, уверенно идя на ватагу, однако никто не сдвинулся с места. Он сбавил ход, остановился, упершись в Жёлудя пузом. – Ступай, сын мой, подобру-поздорову и не греш. Праздное любопытство есть тяжкий грех, ибо от любопытства сгорает душа и обращается в прах, и прах тот разносит ветер и развеивает его над водами, и есть то смерть вечная и всяческое умаление Господней славы, ибо создал Господь человека по образу Своему и подобию, а ты неразумным своеволием бесчестишь замысел его. Богу внемли и ему покоряйся. Всякая власть есть от Бога. Всякая! И идёт против Бога тот, кто идёт против власти.

– Э, уважаемый! Ты вообще чего тут делаешь? – голос Лузги вернул Жёлудя в чувство. Парень встряхнул головой и словно проснулся.

– Направлен для увещевания должников, – батюшка обошёл парня и важно приблизился к новой жертве, он совершенно не страшился тех, кого поставлен был окормлять. – Лишение имущества есть главное из скорбей человеческих, и слабые духом претыкаются на пути сём, и впадают в отчаяние и ярость, и низвергаются в ад.

– Ты мне зубы не заговаривай, – вызверился Лузга. – Я таких терпил в белорецкой промке на уду ловил.

– Пострадать за правое дело не боюсь я, – лениво улыбнулся батюшка. – Бог терпел и нам велел. Поставлен я стоять щитом на пути бессильной ярости и не убоюсь зла. Блаженны миротворцы, ибо их есть царствие небесное. Всякая власть от Бога, а кто идёт против власти, тот идёт против Бога. Должников выселяем по закону. Они кредит брали? Брали. Договор подписывали? Подписывали. Читать надо было, прежде чем закорючку ставить. Долговые обязательства не выполнили – вот результат. Имущество конфискуется по закону. Захотят, могут попытаться оспорить в суде. А вмешиваться и кулаками решать совершенно не дело. Винового в своих бедах, – мотнул гривой батюшка на осоловелою мужичка и замершую бабу, – пускай в зеркале ищут.

– Понял! Сбавляем обороты, парни, – распорядился Лузга. – Харэ борзеть. Двинули отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.